

* VK.COM/KN_BOOKS *

Женаты

Муж

Жена

ЧАСТЬ 2

Автор бестселлеров New York Times & USA Today

КЕНДАЛЛ РАЙАН

ЖЕНАТЫЕ. ЧАСТЬ 2

Книга: Женатые. Часть 2

Автор: Кендалл Райан

Жанр: Современный любовный роман

Рейтинг: 18+

Серия: Несовершенная любовь #2 (про одних героев)

Номер в серии: 2

Главы: 13 глав

Переводчик: Кристина А.

Редакторы: Каролина Р.

Вычитка и оформление: Таня П.

Обложка: Таня П.

ВНИМАНИЕ! Копирование без разрешения, а также указания группы и переводчиков запрещено!

Специально для группы: K.N ★ Переводы книг
(https://vk.com/kn_books)

Аннотация

Брак по расчету? Сделано.

Дерзкий новый муж? Сделано.

Это фиктивный брак, который я полна решимости сохранить сугубо профессиональным. Я не настолько глупа, чтобы попасться на такие примитивные уловки, как очарование или победы этого сексуального плейбоя. Я должна быть сильной, даже если он и мой муж.

Кроме того, у него огромный член и еще более огромное эго, и, кажется, главная цель этого мужчины — заставить меня приласкать их обоих. Этот высокомерный ублюдок — словно сладкие, приторные леденцы для моего либидо.

Знаю, он мне не подходит, но я хочу вобрать в себя каждый его чертов сантиметр.

И, учитывая его сексуальное мастерство и опыт, уверена, он невероятен в постели. А так как в ближайшее время мы обязаны быть вместе — для поддержания этого фарса, пока компания снова не начнет приносить прибыль — разве я не заслуживаю чего-то, что так хотела бы получить в конце тяжелого рабочего дня, верно?

Разве есть что-то плохое в одной маленькой слабости?

ВНИМАНИЕ!

Копирование и размещение перевода без разрешения администрации группы, ссылки на группу и переводчиков запрещено!

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

Глава 1

Ной

Какой, черт возьми, ужасный пиар.

Я нахожусь на благотворительном мероприятии от имени «Тейт и Кейн». Уже два дня мою *жену* никто не видел и не слышал; мой лучший друг Стерлинг трахает в туалете официантку, пока я стою здесь с лопаткой в руке, шепча под нос проклятья за их медленную смерть.

Мы на благотворительном мероприятии в бесплатной столовой для нуждающихся. Предположительно, помогаем обедневшим молодым людям нашего общества, но это лишь предлог, чтобы опустошить карманы нью-йоркской молодежи, подавая им неоправданно дорогой ланч. И учитывая, что я один из поваров, сомневаюсь, что это будет вкусно. Мне нравится готовить, просто я редко это делаю. У меня есть один, может, два рецепта моей мамы, которые я освоил, и салат из курицы, приправленной карри, не в их числе. Один лишь запах вызывает тошноту. Хотя, может, это потому, что у меня нет аппетита.

В сотый раз я жалею, что не нанял Роситу и не выписал ей чек. Если бы я это сделал, то сегодня все ели бы, как короли. Но благо это не единственная причина, по которой я нахожусь здесь. Черт, это даже не главная причина.

Как только этим утром я прибыл в столовую, стервятники из высшего общества Нью-Йорка принялись заваливать меня вопросами. Как прошла свадьба? Почему ты один? Где твоя застенчивая невеста?

Даже если бы я знал ответ на этот вопрос, это не их собачье дело. Отец Оливии, Фред Кейн, вмешался и спас меня, сказав всем, что церемония была закрытой и красивой, и что Оливия просила извинить ее за отсутствие. Я вызвался помочь на кухне, чтобы несколько часов побыть одному, вдали от глаз общественности.

По крайней мере, таков был план. Я заставляю себя улыбаться фотографу, который двадцать минут назад ворвался на кухню, щелкая своей камерой. Если он еще раз спросит, где Оливия, я засуну эту камеру за тысячу долларов ему в задницу.

— Как дела? — спрашивает шеф-повар, заглядывая в большую глубокую миску из нержавеющей стали с нарезанной в ней курицей, приправленной карри.

— Все готово, — я подвигаю миску к нему, пока другой повар ставит на кухонный прилавок поднос с заранее нарезанными круассанами.

Они благодарят меня за то, что пришел, пока я снимаю свой испачканный фартук и по дороге из кухни закидываю его в стирку.

Я пожимаю еще несколько рук, пару раз фотографируюсь, а затем ухожу. Стерлинга по-прежнему нигде не видно, но этот идиот сможет и самостоятельно добраться до дома. Это же Нью-Йорк, здесь повсюду такси. Я все равно не в настроении сейчас общаться.

Когда Оливия стояла у алтаря, что-то во мне сломалось. Я надрывал задницу в попытке доказать ей, что мы на самом деле можем стать парой, и считал, что был близок к цели. Проживая вместе в одной квартире, просыпаясь в одной кровати, играя в наши сладкие игры, которые начинали переходить в нечто большее. Даже в офисе мы стали неразлучны... Медленно меняли компанию к лучшему, принимая по одному решению за раз.

Я разочарованно вздыхаю. Никогда в жизни я так не старался завоевать женщину. Но Оливия не просто какая-то женщина. Я вырос вместе с ней, вознес на пьедестал неприкосновенности на двадцать лет, и, наконец, она была *так близка* к тому, чтобы стать моей. До того, как сбежала. И я до сих пор не понимаю, почему. Хотя у меня есть догадка на этот счет...

Из-за пункта о наследнике в договоре.

Стерлинг был прав. Кажется, она не хотела печь мой батон в своей духовке. Но я никогда не думал, что она так отреагирует. Кричать, ругаться и отрывать яйца — да. Исчезнуть без следа — нет.

Люди в зале разошлись кто куда, пожимая друг другу руки и пожевывая крудите (*Примеч. Крудите — не перемешанный салат или набор из нарезанных свежих сырых овощей*). В дальнем конце комнаты я замечаю отца Оливии и продвигаюсь к нему. Он невысокий, приземистый мужчина с серебристыми волосами, круглым животиком и вечной ухмылкой на лице. Он почти как брат Санты. Трудно не любить его, даже когда он указывает мне что делать и порой бывает занозой в заднице.

— Вы готовы рассказать мне, где она? — спрашиваю я, наклонившись, чтобы только он мог слышать меня.

Он извиняется перед человеком, с которым говорил, и поворачивается ко мне.

— Ной, — начинает он беззаботным тоном, будто мы обсуждаем плавание на яхте в предстоящие выходные на Гудзоне.

— Да, старина, — поддерживаю я дружескую улыбку на случай, если кто-то смотрит на нас. — Где она?

Он тяжело вздыхает, и я впервые замечаю, что это угнетает его почти так же, как меня.

— В безопасности, и это все, что тебе нужно знать. Ей надо подумать обо всем этом. Она вернется, как только будет готова. Ты же знаешь Оливию.

Я согласно киваю. Она ужасно упряма. И он прав. Она вернется, как только ей станет лучше. И тогда мы точно будем готовы обсудить условия, касающиеся ее матки. Я ухмыляюсь этой мысли. Сначала я подумал, что она живет с Камрин, но после обыска в квартире ее лучшей подруги решил, что она поселилась в одном из пятизвездочных отелей на Манхэттене.

— Когда снова ее увидите, передайте, чтобы позвонила мне, — тихо рычу я. Мы с Фредом всегда были в хороших отношениях — в конце концов, он был ближайшим другом моего отца — но мое терпение уже иссякало.

Он кивает.

— Конечно, передам.

Именно в этот момент и появляется Стерлинг с помятым внешним видом. Ну, вы понимаете. Растрепанные волосы, поднятый воротник, рубашка навывпуск, и с такой самодовольной ухмылкой, словно он только что опустошил свои яйца. *Гребаный ублюдок*.

— Что ж, это было быстро, — я проверяю время на своих часах. — Если понадобятся уроки выносливости, только попроси.

Удар локтем в ребра стирает мою улыбку с лица.

— Отвали, Ной. Мы оба знаем, почему ты расстроен, и я не виню тебя.

Фред прощается с нами, пока мы со Стерлингом обмениваемся друг с другом ударами.

— Итак, она доставила тебе удовольствие? — спрашиваю его я, когда мы идем к выходу.

— Конечно, — отвечает он. Но его взгляд устремлен на дверь, а в голосе слышна неуверенность.

Мне это знакомо. Одноразовый, незапоминающийся трах с девушками, чьи имена я уже не в состоянии вспомнить спустя каких-то двадцать четыре часа. И это еще одна причина, по которой исчезновение Оливии ощущается так, словно что-то вырвали из меня.

Конечно, у нас были как хорошие, так и плохие моменты, но я скучаю по подшучиваниям, скучаю по тому, как раздражал ее своими малейшими провокациями. Я просто скучаю по ней.

Мне не хочется идти домой одному. В квартире без нее так неудобно. Она жила в ней так мало, но теперь без нее там так одиноко и пусто. Все тепло и очарование было

высосано, словно в вакууме. Только ее аромат до сих пор витает в воздухе, и это заставляет меня волноваться за нее еще больше. Когда я, наконец, начал привыкать к присутствию женщины в своем доме, все рухнуло. И этот чертов чайник на кухонном столе, который она принесла в качестве подарка на новоселье, так и стоит нетронутый, напоминая о ней. Почему мне был послан мирный знак, если она собиралась сбежать от меня?

Опускаясь на виниловое заднее сиденье такси, я вздыхаю. Я спросил Фреда, где она, но на самом деле мне было все равно. Ладно, не все равно — каждый раз, когда я оборачиваюсь и вижу, что ее там нет, это приносит боль. Но я, правда, хочу узнать, почему она сбежала от меня. Бросила, когда я стоял на пляже, как гребаный идиот, ожидая начала нашей церемонии.

Голова гудит от вопросов, злости, растерянности и потери, а в груди разрастается необъяснимая боль. И это пугающе знакомо. Почти такое же неустанное пульсирование я чувствовал, когда умерла мама. Это та боль, которая с каждым днем постепенно угасает, но никогда не исчезает полностью.

— Ты в порядке, приятель? — спрашивает таксист, глядя на меня в зеркало заднего вида.

— В порядке. Извини, — черт, я забылся. Я просто сижу здесь, в его машине.

— Ты куда-то спешишь? — спрашивает он.

— Да, домой, — я диктую ему адрес, недоумевая, почему начал думать о нашем общем пентхаусе как о *доме*.

Звонит телефон. Пульс сбивается — на секунду мне становится любопытно, не Оливия ли это. Но имя, мигающее на экране в третий раз за сегодня, быстро говорит мне об обратном.

— Да? — бормочу я устало.

— Как ты, держишься? — спрашивает Росита.

Она звонит мне каждые пару часов, но я впервые отвечаю. Обсуждение чего-то вслух, да еще и с другим человеком, способствовало бы тому, что этот кошмар стал бы слишком реальным. Но искренность в ее голосе подлинная и честная, и я внезапно ощущаю себя мудаком за то, что отклонял ее звонки.

— Кажется, да. Просто запутался.

Она вздыхает, и я представляю, как она кивает, соглашаясь со мной.

— Когда я узнала, что ты женишься, то не была уверена, что думать обо всей этой договоренности, но подумала, хотел бы этого твой отец, было ли это правильно. Он был хорошим человеком. И любил вас с Оливией.

— Да, — говорю я, соглашаясь с ней. Но в такие моменты, когда все кажется таким ужасным, трудно понять, о чем думал отец.

Я слышу шум, когда Росита глубоко вздыхает.

— Но чем больше я размышляла об этом, тем больше понимала, что мне по душе идея о твоей женитьбе. Что тебе приготовят завтрак утром, убедятся, что с тобой все в порядке. Что твоя жена будет следить за тем, принял ли ты витамины. Мне понравилась эта идея.

Я усмехаюсь.

— Я сам могу о себе позаботиться, ты же знаешь? — Росита всегда слишком опекала меня.

— Знаю, *hijo* (исп. сын), — тут же отвечает она. — Я знаю, что можешь. Но мне понравилось, что тебе не придется этого делать.

— Тебе ведь известно, что меня бросили у алтаря, верно? — Ничего не скажешь, это было самым подходящим временем, чтобы сказать это. Кроме того, не похоже, что Оливия — очаровательный, любящий тип женщин, которые приносят тапочки и подают завтрак в постель.

— Конечно, знаю. Я хочу сказать, что, хотя твое самолюбие и задето, нужно сделать глубокий вдох и постараться понять, почему она сбежала. Можно ли исправить это. Потому что я действительно думаю, что вы могли составить хорошую пару.

Я проглатываю застрявший в горле ком. Единственный раз, когда Росита видела нас с Оливией вместе, был на дне рождения ее дочери Марии. Редкая улыбка украшает мои губы при воспоминании об этом. Было весело проводить время с большой и дружной семьей Роситы и робкой Снежинкой, стоявшей рядом со мной.

— Я выслушаю все, что она скажет, обещаю.

Когда Оливия вернется. *Если* вернется.

— Хорошо. Будь хорошим мальчиком. Люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю, Росита, — я запихиваю мобильник в карман и протягиваю двадцать долларов таксисту, когда тот тормозит перед нашим домом.

Поднявшись наверх, я бросаю свои ключи от квартиры и начинаю бродить из угла в угол. Я не намерен сегодня спать в одиночестве и планирую сходить в бар неподалеку, чтобы заглушить печаль в стакане прекрасного виски. Я включаю свет и замираю.

Оливия сидит на диване. Ее руки сложены на коленях, она выглядит уставшей. Ее темно-русые волосы взъерошены, а румянец на щеках исчез.

— Мне нужна твоя помощь, — говорит она.

Она ждала меня? Как долго? И *это* все, что она может сказать? Четыре простых слова... Когда не хватит и четырех тысяч. И она просит об одолжении?

Моя челюсть напрягается, когда недоверие перерастает в гнев.

— Для начала, мне нужно знать ответы, — требую я.

Глава 2

Оливия

Днем я возвращаюсь в пентхаус. Ноя здесь нет, так что, пока жду его, я переодеваюсь в свежую одежду и съедаю злаковый батончик. Я ложусь вздремнуть, но, в конце концов, просто пялюсь в потолок; стараюсь работать, но прекращаю, потому что не могу сосредоточиться; пробую читать журнал, но затем просто сижу на диване в ожидании.

Черт, где он? Не сидит же в воскресенье в офисе — это ведь Ной. Я стараюсь не думать о вероятности того, что он остался на ночь у другой женщины.

Но если это так... ладно, ведь именно я сбежала с нашей свадьбы. Не могу винить его за то, что он считает, будто наши отношения закончились. За то, что хочет забыть меня и найти другую девушку, которая не доставляла бы столько хлопот. Даже при том, что это причиняет ему боль.

Боже, я до сих пор не могу выбросить из головы то, что произошло со мной сорок восемь часов назад. Я все еще слышу голос Брэда в телефоне, который проник в мое ухо, словно какой-то мерзкий инопланетный паразит...

— Добрый день, Оливия, — говорит Брэд. — Тебе следует чаще проверять свою электронную почту.

— Ч-что ты хочешь? — задыхаясь, произношу я.

— Проверь почту и скажи мне, узнаешь ли ты приложенные фотографии.

Я завершаю вызов и нажимаю на значок электронной почты. Там одно новое сообщение. Я открываю его... и теряю способность дышать.

Конечно, я узнала эти фотографии. Когда мы еще встречались, Брэд заставил меня сделать для него несколько селфи сексуального характера. И я сделала, потому что тогда была доверчивой девушкой, которая верила, что он может превратиться в достойного парня, если я всего-навсего приложу усилия и дам ему все, что захочет его гадкое, бездушное, крошечное сердце.

Он внушил мне, что хороший, а его эгоистичное и властное поведение являлось результатом моих ошибок. Всякий раз, когда он выходил из себя, это было только потому, что я его спровоцировала (конечно, если злилась я, то только потому, что была маленькой сучкой, которая искала повод для обиды). Он расстраивался, когда я отказывалась притрагиваться к его стояку; обижался, когда я предложила хотя бы иногда прикасаться к моему клитору. Даже когда заставляла его за флиртом с другими женщинами, он утверждал, что так поступал лишь потому, что я не уделяла ему внимания.

Поэтому я считаю, что не должна была заставлять его удалять эти фотографии, тогда бы он не лгал об их уничтожении. Я заставила его удалить их с его телефона, пока наблюдала за этим процессом, но он, должно быть, заранее куда-то их скопировал. Все двадцать две. *Черт.*

Я перезваниваю. Не успевает отзвучать первый гудок, как Брэд уже отвечает.

— Итак?

Приподняв подбородок, я стараюсь придать голосу самый грубый, самый презрительный тон, на который только способна. Не желаю доставлять ему удовольствие своим дрожащим голосом.

— Ты преследовал какую-то цель, когда делал это? Или просто хотел напомнить мне, какой ты подонок?

— Сдавайся и позволь моему отцу купить «Тейт и Кейн», — требует он. — Плюс ко всему я мог бы попросить тебя встать на колени и отсосать мой член, но мы оба знаем, что ты в этом не так хороша.

— Только потому, что ты всегда заталкивал его в глотку, словно бурил нефтяную скважину. Или таким образом компенсировал нехватку кое-чего.

— Так ты согласна на сделку или нет? — произносит он.

Ой, Брэду это не понравилось. Я могу только представить его презрительную усмешку. От того, что смогла разозлить его, я чувствую прилив торжества и ужаса одновременно.

— Боюсь, это ограниченное по времени предложение. Если хочешь сохранить «Тейт и Кейн», то к концу недели пришлешь мне по электронной почте договор о купле-продаже. Или же я опубликую эти фотографии, разрушив твою репутацию и, вероятно всего, компанию, ну а затем, когда подойдет срок, «Дэниелс Мультимедиа Энтерпрайзес» выкупит «Тейт и Кейн». Так или иначе, мой отец получит то, что хочет.

Сердце стучит так быстро, что мне едва удастся дышать. Я пытаюсь выиграть время и обдумать ситуацию, начиная спорить с ним, чтобы найти брешь в его решимости.

— Так это все ради отца? Что ты с этого получишь?

— Быть хорошим сыном уже награда. Кроме того, это поспособствует возведению сильной компании, чтобы когда-нибудь унаследовать ее... И, конечно же, я буду наблюдать, как сопливая сучка получает по заслугам, — его голос пронзает меня, словно осколки льда, в то время как он продолжает: — Какое объяснение предпочтешь? Выбери наиболее понравившееся; это не имеет значения.

Так вот что это на самом деле — наказание за мою смелость порвать с ним. Даже для Брэда, моего гребаного бывшего, это безрассудно. Мне в голову не приходило, что он зайдет так далеко, чтобы отомстить.

— Что самое главное, — продолжает он, — это твое личное решение. Мое предложение достаточно щедрое. Я готов заплатить миллионы долларов за вашу компанию, а не просто требую, чтобы ты передала ее мне.

Я сглатываю.

— Ты сказал, что у меня есть неделя? — спрашиваю я, ненавидя то, насколько тихо и слабо прозвучал мой голос.

— Верно, — говорит он, радуясь, что, наконец, смог взять надо мной верх. — До встречи, Оливия. Будем на связи.

По крайней мере, я думаю, что Брэд сказал именно это. Я не расслышала сказанное из-за крови, стучащей в ушах. Его последними словами могли быть *«тебе конец»*.

И, вероятно, так оно и было. Я смотрю на экран телефона, сдерживая желание разрыдаться, плевать и кричать одновременно. Что, черт возьми, мне делать? Что я *могу* сделать? Выхода нет. Я не могу здраво мыслить. Еле сдерживаемая тревога вышла из-под контроля. Животный страх заполонил мои мысли. *Не могу дышать. Я в ловушке...*

С одной стороны я понимаю, что мне требуется помощь. Я должна все рассказать Ною. Но как мне встретиться с ним? Я протянула Брэду веревку, чтобы тот повесил нас обоих. Дала именно то, что ему нужно, чтобы уничтожить наследие наших отцов и шесть тысяч рабочих мест.

Ядовитое влияние Брэда заполонило все вокруг, заставив меня испытать все болезненные, извращенные чувства, которыми были пропитаны наши отношения больше двух лет. Зрение затуманилось, а желудок сжался от беспокойства.

Нет, я не могу рассказать об этом Ною. То, как он посмотрит на меня... Не знаю, что хуже — разочарование или жалость. Моя гордость не сможет вынести еще один удар. Я просто этого не переживу.

В тот момент я ненавидела себя больше, чем кого-либо в своей жизни. Меня трясло от стыда и беспомощности.

Какого черта я сделала эти фотографии для Брэда? Я всегда позволяла этому отморожку пользоваться собой, просто поворачивалась и делала все, чего он хотел. Не будь я такой наивной и отчаянной, сейчас не оказалась бы в такой ситуации. Почему мне потребовалось столько времени, чтобы услышать тихий голос в голове, кричащий, что *эти отношения неправильные, это убивает тебя, беги сейчас же?*

Ладно, я услышала их, но слишком поздно. И если прямо сейчас я ничего не предприму, наша компания будет расплачиваться за мою ошибку.

Я должна была найти Брэда и остановить его, хотя и понятия не имела, что сделаю или скажу, когда приеду к нему в офис. Мои инстинкты кричали, что существует угроза и что мне нужно встретиться с ним, бороться и даже убить его, потому что, если я останусь стоять на месте, он первым найдет меня и причинит боль. Позволить ему прийти ко мне — уже значило, что я проиграла.

Ослепленная адреналином, я выбегаю из коттеджа, запрыгиваю в машину и мчусь к единственному аэропорту Нантакета. В голове вертится лишь одна мысль — найти Брэда и заставить его заплатить.

Мрачные и безумные мысли крутятся в голове. Я была права, когда нервничала из-за свадьбы с Ноем. Если Брэд собирается разрушить нашу компанию независимо от того, как я поступлю, тогда в чем вообще смысл? Если об этом узнаю в СМИ, разразится скандал, и тогда лучшим сценарием развития событий станет мой уход, и компания сможет продолжить работать без меня. В этом случае вопрос о моем наследстве останется открытым. Я уже вижу заголовки: «Генеральный директор вынужден уйти в отставку из-за скандала с фотографиями в стиле ню». Не о таком первом появлении на CNN я мечтала.

Борясь с тошнотой, со слезами на глазах и все еще одетая в бессмысленный наряд, я нажимаю на педаль газа и оставляю нашу свадьбу далеко позади.

Перелет из Нантакета, каким бы коротким он ни был, все-таки заставил меня сидеть и размышлять. Я поняла, что позволила своим эмоциям взять верх над собой — буквально. Как, черт возьми, это исправит хоть что-нибудь? Как бы это ни было приятно в краткосрочной перспективе, я не могу просто ворваться в кабинет Брэда, выкрикивая ругательства. Нет, прежде чем приступать к решительным действиям, мне нужен план.

Нужна помощь. Но учитывая, что в данный момент я пытаюсь бороться с тревогой и стыдом, засевшими глубоко внутри, не хочу, чтобы Ной узнал о моих пошлых фотографиях или о том, какой властью Брэд, по-видимому, все еще обладает надо мной.

Поэтому, вместо того, чтобы встретиться с Брэдом, я беру такси до гостиницы в Верхнем Ист-Сайде, обещаю себе, что смогу решить эту проблему сама, и никто не узнает, что я сделала когда-то для Брэда или что он сделал со мной.

Я просто хотела доказать себе, что не была абсолютно бесполезной. Я знала, что вымогательство Брэда не компенсирует того, как я поступила с Ноем в тот день, не говоря уже о том, чтобы оправдывать свой поступок. Но считала, что победа — это лучше, чем отступление назад с поджатым хвостом. Ужасно, что я предала своего жениха; я не хотела взваливать все свои проблемы на него. Мне хотелось оставаться независимой. Я, черт возьми, Оливия Кейн. И должна была найти способ исправить ситуацию.

Однако в итоге я не смогла придумать причины, по которой избегала Ноя. Я провела две бессонные ночи, вышагивая по гостиничному номеру, пытаюсь найти способ, чтобы подавить угрозу шантажа Брэда... Но ни хрена не придумала. Каждая идея была хуже предыдущей. Я не могла бороться, не вовлекая в это других людей и не привлекая внимание к своей грязной маленькой тайне.

Сегодня на рассвете я сдалась и легла спать, но мозг продолжал работать, пока я не заснула от полного истощения.

Позже, утром, когда я смотрела на себя в зеркало, то была вынуждена признать то, что всегда знала. *Я не справлюсь в одиночку.* Эта ошибка была слишком давней и слишком серьезной, чтобы ее легко можно было исправить или покончить с ней насовсем. И когти Брэда уже глубоко впились в меня. Едва вспомнив его голос по телефону, у меня

участилось сердцебиение и скрутило живот. Я едва могла соображать, а этого мудака даже не было поблизости.

Нет, я должна смотреть правде в глаза... и Ною тоже. Поэтому я принимаю душ и, как только могу, пытаюсь привести свое изможденное лицо в порядок. Не имея ничего другого, я надеваю вчерашнюю одежду — то, что должно было стать моим свадебным платьем. Спускаюсь вниз, съедаю булочку, не чувствуя вкуса, и беру чашку кофе из континентального завтрака (*Примеч.: Континентальный завтрак — легкий завтрак, включающий в себя булочку и кофе*), а затем вызываю такси, чтобы добраться до нашего пентхауса.

Пришло время вернуться домой к своему мужу.

Звук от поворота дверной ручки выводит меня из болезненных воспоминаний. Я вздрагиваю и поднимаю взгляд, сердцебиение учащается, когда открывается наша входная дверь.

Ной переступает через порог... Затем замечает меня и замирает. Он смотрит мне в глаза, словно видит призрака. Гнев, облегчение и боль отражаются на его лице.

При виде него, все мои тщательно отрепетированные слова вылетают из головы. У меня пересыхает в горле, и, с учащенным сердцебиением, я произношу первое, что приходит в голову:

— Мне нужна твоя помощь.

С минуту он ничего не говорит. Просто продолжает пялиться на меня, борясь с эмоциями. Наконец, он отвечает:

— Для начала, мне нужно знать ответы.

Его голос напряжен, он с трудом держит себя в руках. Но он не сказал «нет». Это лучшее, на что я могла рассчитывать, черт возьми, лучшее, чего я заслуживаю. Я киваю и поднимаюсь на ноги.

— Где, черт возьми, ты была? — спрашивает он. Он все еще не сдвинулся с места, будто не хочет подходить ко мне слишком близко.

— Прости, что уехала. Я была в отеле, — знаю, это не сильно близко к ответу на его заданный вопрос, но нужно было с чего-то начать.

Ной захлопывает дверь и направляется ко мне.

— Боже, Оливия. Я думал, ты ушла навсегда. Почему ты ничего не сказала?

Кусая губы, я с трудом сглатываю. В его голосе слышится боль. *Я предала его... По-другому это не назовешь.*

Его негодование продолжает изливаться, накрывая меня, словно лавиной.

— Ты заставила меня стоять у алтаря в течение чертова часа. Ничто в жизни не доставляло мне столько унижения. И с тех самых пор я сходил с ума. Нам пришлось лгать, чтобы в СМИ ничего не просочилось, и, черт, все это время я понятия не имел, где ты. Я знал, что ты не хочешь выходить за меня, но, ради Бога, никогда не думал, что ты так меня ненавидишь.

Это слово подобно холодной игле, воткнутой мне в сердце. Ненавижу? Нет, я не могла, не могу... Но именно так я себя и повела, не так ли? Будто не считала его достойным уважения. Как я могу винить его за то, что он так думает?

Нахмурившись, Ной разрезает руками воздух.

— Ты бросила меня. Не сказав ни слова. Не давая никому шанса что-либо сделать. Я понятия не имел, что, черт возьми, происходит. Зачем убегать? Почему ты просто не сказала, что расстроилась? А как насчет того, чтобы мы стали партнерами и совместно работали? Я думал, мы пришли к пониманию, но, судя по всему...

— Я знаю, ясно? — кричу я.

Когда я слышу, как мой собственный голос надламывается, это становится последней каплей. Я судорожно втягиваю воздух, но это больше похоже на громкий всхлип. Слезы начинают течь по щекам, пока я пытаюсь крепче себя обнять, не в силах встретиться взглядом с Ноем. Ненавижу себя за то, что перед ним вот так расклеиваюсь.

— Я знаю, что причинила тебе боль, — говорю я. — Я обращалась с тобой, как с дерьмом. Ты так много работал, чтобы заслужить мою дружбу, мое доверие — и чем я тебе отплатила? Совершила глупый и ужасный поступок, и тому нет никакого оправдания. Но Брэд так напугал меня, что я понятия не имела, что мне делать. Я...

— Пстой, эй, подожди минутку, — ошеломленный моим внезапным срывом, Ной неловко садится рядом со мной, широко раскрыв глаза. — Брэд? Какое ему до этого дело? Так это все было не из-за контракта на наследство?

— Что? Нет. Зачем мне убегать из-за этого?

Недоверие и удивление пересекают его красивые черты.

— Затем, что я зашел к тебе перед началом церемонии и оставил контракт на столике, прямо перед тем, как ты исчезла. Что я должен был подумать?

Его растерянность еще больше озадачивает меня. Я качаю головой, пытаюсь собраться с мыслями, чтобы сказать то, что должна.

— Это не так. Мне нужно тебе кое-что сказать.

Я с трудом сглатываю, пытаюсь собрать все свое мужество в кулак. Пришло время опустить оборону. Не потому, что Ной заслуживает объяснений, а потому, что я кое-что поняла. Я доверяю ему, чтобы он помог мне и при этом не осуждал. И всегда должна была доверять ему.

— Прямо перед началом церемонии...

Черт, мой голос не перестает дрожать. Я делаю глубокий вдох. Может, мне стоит сделать вид, будто я рассказываю историю, которая произошла с кем-то другим.

— Брэд позвонил мне. Он сказал, что опубликует... фотографии меня обнаженной, если на следующей неделе я не продам «Тейт и Кейн» компании «Дэниел Медиа». Вот почему я сбежала. Я подумала, что смогу его остановить, но потом поняла, что понятия не имею, как это сделать. Поэтому вернулась сюда, чтобы попросить тебя о помощи.

Итак, я сделала это. Обойдясь без подробностей, я рассказала правду, и мир не взорвался.

Хотя Ной может. Его ноздри раздуваются, и я смотрю в изумленном ужасе, когда его лицо приобретает пунцовый окрас. Было бы смешно, если бы не было так грустно.

Наконец, едва слышно Ной рычит:

— Я оторву его паршивый член и скормлю ему же.

Истеричный то ли смешок, то ли икота вырывается из меня.

— Пожалуйста, не надо.

Я вытираю щеки тыльной стороной ладони, обретая уверенность в себе. Ной не допустит, чтобы Брэд победил. Что еще более важно, он не позволит мне пройти через это в одиночку.

— Верно. Ты, вероятно, уже думала об этой идее, — внезапно теплыми сильными руками Ной крепко притягивает меня в своих объятиях. Он нежно целует меня в макушку. — Как бы я хотел, чтобы ты пришла ко мне раньше, Снежинка. Тебе не обязательно разбираться со всем в одиночку.

И сейчас это кажется таким очевидным. Кажется, я понимала это раньше, но теперь знаю наверняка, что Ной сидит здесь рядом для меня — по-настоящему, всегда, несмотря ни на что.

Всхлипывая, я поворачиваюсь, обнимаю его за талию и позволяю себе расслабиться в его уютных объятиях. Наше первое объятие, которое не мотивировано контрактом, или пари, или чем-либо иным, кроме искренней привязанности. Оно чистое и крепкое, а это именно то, что мне нужно. Уже сейчас я чувствую себя немного спокойнее.

— Теперь я на твоей стороне, — бормочет Ной мне в волосы. — И не допущу, чтобы что-нибудь с тобой случилось.

Мое дыхание постепенно становится глубоким и вскоре выравнивается, когда напряжение проходит. Я так беспокоилась о шантаже Брэда, висящем над моей головой, но мои страхи кажутся менее значимыми с Ноем, сидящем рядом, готовым помочь мне бороться с ними.

Через несколько минут он нарушает успокаивающее молчание и спрашивает:

— Хочешь чаю?

Я слабо улыбаюсь ему сквозь последние слезы.

— Ого, ты действительно англичанин.

— Мама уверяла в этом, — Ной немного отодвигается, достаточно, чтобы посмотреть на меня. — И как только ты почувствуешь себя лучше, мы можем приступить к решению проблемы.

Я киваю.

— У тебя есть идеи?

Его губы изгибаются в лукавой улыбке.

— Несколько.

Я снова улыбаюсь Ною. Почему-то у меня возникает ощущение, что Брэд в полном дерьме. С Ноем я впервые чувствую себя в безопасности после начала этой катастрофы.

Глава 3

Ной

Утром Оливия выглядит милой. Она все еще спит, лежа на боку лицом ко мне с обвитыми вокруг бедер простынями. Позади рассыпаны ее спутанные волосы, словно пролитый мед. Слава Богу, она не в той ужасной флисовой пижаме. Сверху ее тонкая белая майка сползла вниз, отчего можно разглядеть глубокую ложбинку между грудей, а снизу задралась, открывая полоску сливочной кожи на мягком животе.

Забудьте слово «мило», она выглядит невероятно аппетитно. Я хочу пробежаться языком по ее груди, дразнить ее тугие соски сквозь тонкую ткань, пока она не проснется, простонав мое имя и зарывшись руками мне в волосы.

Этого не произойдет, я знаю. Мы же говорим об Оливии. Каждая победа дается с большим трудом, и каждый раз, когда я подхожу к ней близко, она отступает на два шага назад.

Но можно же помечтать.

Не открывая глаз, она неторопливо потягивается, издав легкий стон, когда ее длинные ноги распрямляются под постельным бельем. Я ценю этот момент, любуюсь ею. Раньше я не допускал пробуждение в пижаме или утренних встреч с девушкой. Но если именно так они выглядят, считайте, что теперь я за.

Через мгновение она моргает, открывая глаза.

— Привет, — говорю я.

Она сглатывает, опустив глаза, словно стесняясь того, что я стал свидетелем ее пробуждения.

— Здравствуй.

— Готова к сегодняшнему дню? — после того, как я прошлым вечером успокоил ее расшатанные нервы, мы составили план действий и все отрепетировали.

— Ты, правда, считаешь, что это сработает? — спрашивает она в сотый раз.

Но я понимаю, почему она нервничает. Мы собираемся встретиться лицом к лицу с одним из величайших страхов в ее жизни.

Понимая, что ей требуется поддержка, я терпеливо отвечаю:

— Я знаю, что это сработает, — мужчину вроде Брэдфорда Дэниелса легко перехитрить. Его заботит лишь собственное эго, и как только ты угрожаешь ему, он убегает как маленький мальчик со школьного двора.

Я откидываю одеяло и сажусь. Нужно приготовить кофе для Оливии, завтрак, и затем принять горячий душ, который уже манит меня.

— Черт, это же у-утренний стояк, — заикается Оливия, ее глаза прикованы к тому месту, где моя мужественность пытается вырваться из боксеров.

Вниз, парень.

Я ухмыляюсь ей.

— Что? Он рад тебя видеть.

Ее взгляд поднимается до уровня моих глаз.

— В самом деле? Ты рад, что я вернулась?

— Конечно, рад. Что за вопрос? — это похоже на постоянную проверку с ее стороны, словно она ждет, когда я совершу ошибку и скажу, что покончил с ней и с этой игрой, которую мы ведем. Однако, для меня это не просто игра.

Я хочу сказать ей, что проснулся десять минут назад, восхищаясь представшим передо мной видом, и эта эрекция предназначена исключительно для нее. Но вместо этого прикусываю язык, уверенный в том, что признание спугнет ее.

— Просто подумала... Когда я сбежала... — она делает паузу. — Я была уверена, что все испортила.

Теперь, когда она здесь, в нашей постели, я готов радоваться, что после того, как она сбежала, не поддался на все эти низменные инстинкты, которые побуждали меня трахаться с каждой женщиной на протяжении всего пути через Манхэттен. Я приподнимаю ее подбородок, заставляя посмотреть мне в глаза.

— Тебе придется кое-что наверстать, но ничего не кончено.

Она кивает, облегчение и благодарность сияют в ее глазах. И еще кое-что — что-то настолько теплое, что я даже не смею назвать, не говоря уже о надежде.

Я вскакиваю с постели и направляюсь в ванную, задаваясь вопросом, что нас ждет сегодня и в последующие дни.

Позже, одевшись, позавтракав и собравшись с силами, мы останавливаемся перед зданием, где располагается компания отца Брэдфорда Дэниелса. Я практически ощущаю волнение, исходящее от Оливии.

— Готова? — спрашиваю я.

Она слегка кивает, ее бездонные синие глаза полны беспокойства.

— Нет. Но не думаю, что когда-нибудь вообще буду. Мы просто должны сделать это.

Я сжимаю ее плечо в утешении. Я почти... горжусь ею. Она трясется, стоя на высоких каблуках, но никуда не уходит, готовая сражаться.

— У нас все получится, — обещаю я ей. — Не волнуйся так.

Пришло время схватить быка за яйца. Я открываю стеклянную дверь, и мы входим внутрь, проскальзывая мимо регистратора, будто знаем, куда идем. Мне кажется, элемент неожиданности всегда срабатывает в твою пользу, когда ты играешь по-взрослому.

Но когда мы заходим в его кабинет, Брэдфорд выглядит так, словно все это время ждал нас, с самодовольной усмешкой, растянутой на лице.

— А где же свора голодных адвокатов? Я считал, что будет именно так, — улыбаясь, будто уже победил, Брэд встает со своего кресла.

Его кабинет оформлен в традиционном стиле — большой письменный стол из красного дерева, направленный к двери, ряды книжных полок, на которых лежат книги. Портрет кролика, висящий на стене. *Ладно, последнее весьма странно...*

Я стою на своем, пристально глядя на Брэда, давая ему понять, что его чертова поза меня не пугает.

— Мы могли бы прийти сюда, угрожая засудить твою задницу, но оба знаем, что именно от этого ты получишь то удовлетворение, которое так жаждешь получить — судебный процесс, ажиотаж СМИ вокруг этого события, втоптанное в грязь имя Оливии.

Брэд прищуривается.

— Грязь? По-моему, это немного оптимистично. Когда я с ней покончу, имя Оливии *ничего* не будет значить.

Оливия вздрагивает рядом со мной. Это движение едва уловимо, недостаточно для того, чтобы Брэд смог заметить, но я чувствую его. Я протягиваю руку и беру Оливию за руку.

— В любом случае, мы пришли не для того, чтобы судиться с тобой, — продолжаю я. — Просто подумали, что должны нанести визит, чтобы наверстать упущенное. Как поживает твой старый друг по колледжу? Как там его... — я постукиваю пальцем по губам, делать вид, будто пытаюсь вспомнить его имя. — Франклин Эшби?

— Откуда ты его знаешь? — отвечает Брэд слишком быстро. Его взгляд переходит от меня к Оливии, брови сводятся к переносице.

Боже, что она нашла в этом мудаке?

— О, да брось, — перебивает Оливия. — Вы были соседями по комнате. И закадычными друзьями. Забыл, что я была твоей девушкой?

Пока прошлым вечером мы разрабатывали план, Оливия упомянула имя соседа по комнате Брэда, и меня внезапно осенило. Имя, которое я слышал раньше, крутилось в элитных общественных кругах Нью-Йорка. Чтобы подтвердить эту информацию, потребовалось всего несколько быстрых телефонных звонков.

Но хотя Оливия и подтолкнула меня к этой идее, последнее, что нам нужно сейчас — это словесная перепалка между ними. Я почти уверен, что так же произошло, когда он позвонил ей, и это не принесло ей ничего хорошего (хотя и Брэд не добился того, чего хотел).

Поэтому я останавливаю Оливию взмахом руки. *Просто позволь мне поговорить с ним еще немного, детка.*

Я начинаю разъяснять Брэду, как он влип.

— Около шести месяцев назад, незадолго до анонсирования своей компании, твой друг Эшби воспользовался фондовыми опционами и купил почти четверть миллиона акций. Он заработал целое состояние, — я потираю подбородок. — Забавно, насколько я помню, ты тоже вполне прилично зарабатываешь. Твои акции даже стояли на торгах на той же неделе. Разве это не интересное совпадение?

— Как ты узнал об этом? — Брэд пытается исправиться, но слишком поздно. — То есть, на что ты намекаешь?

— Отвечая на твой первый вопрос — Фрэнк любит хвастаться, когда в нем приличное количество выпивки, — отвечаю я, весело пожимая плечами. — И на второй вопрос — инсайдерская торговля. *(Примеч. Инсайдерская торговля — торговля акциями или другими ценными бумагами частными лицами, имеющими доступ к конфиденциальной информации об эмитенте указанных ценных бумаг. Незаконна, если такая информация все еще не доступна для публики).*

С лица Брэда сходит вся краска.

— У тебя нет доказательств!

Я подавляю торжествующую улыбку.

— Может, сейчас и нет. Но, возможно, частный детектив, которого я нанял, чтобы проанализировать записи биржевой торговли для компании Фрэнка и проверить личную связь между вами двумя, их добудет? — я цокаю языком. — Через несколько дней у него будет достаточно доказательств. И тогда ты сможешь объяснить комиссии по ценным бумагам, почему вы с Фрэнком приобрели столько акций в такое *удобное* для тебя время.

Последняя часть не совсем точна. У нас еще не было времени нанять детектива, хотя, если потребуется, мы сможем быстро это организовать. Но истина не имеет значения. Важно то, достаточно ли убедителен мой блеф, чтобы поймать Брэда на крючок. И судя по его реакции...

Брэд несколько раз открывает и закрывает рот.

Да, я бы сказал, что попал прямо в яблочко. Я пользуюсь моментом, чтобы насладиться зрелищем — надменный наследник «Дэниелс Медиа» похож на рыбу без воды.

— Э-это полный бред, и ты знаешь это, — наконец, выдыхает он, положив руку на стол, чтобы наклониться ближе. — Вы оба знаете, что я нагнул вас, так будьте готовы стойко вынести это, неужели это все, на что вы способны? Какие вы жалкие.

— Хочешь знать, что самое жалкое? — я подхожу ближе к этому мудаку. Не потому, что мне нравится стоять рядом с ним, а потому, что я со своим ростом почти метр девяносто возвышаюсь над его, сколько там, метр семьдесят пять? Это должно быть пугающе. — То, что Оливия доверила тебе фотографии двух великолепных лимонных пирогов и персикового коблера, а ты, как бездушный болван, пытался предать это доверие наихудшим из способов. *(Примеч. Коблер — американский десерт, слой ягод или фруктов, запеченных под слоем теста).* Ничто так не раздражает меня, как мужчины, не уважающие женщин.

— Персиковый коблер? — спрашивает Брэд.

Когда Оливия бросает на меня странный взгляд, я продолжаю:

— Да, ты знаешь, что я имею в виду. Ее любовный шкафчик, ее розовый моллюск, ее медовый горшочек.

Оба смотрят на меня с недоумением.

Я раздраженно поднимаю ладони.

— О, черт возьми. Ее банку с рассолом.

Из губ Оливии вырывается хихиканье.

Боже, как я люблю счастливое лицо этой женщины.

Изображая внезапное озарение, Оливия поднимает палец, открывая рот в приятном удивлении.

— О, Ной! Я кое-что вспомнила.

— Да, дорогая? — спрашиваю я, подыгрывая ей.

— Есть кое-что еще.

— Еще? Расскажи, Снежинка.

— Я только что вспомнила, что однажды, когда Брэд спал, я сфотографировала его маленький огурчик.

Брэд издает сдавленный всхлип.

Притворяясь, что не замечаю этого — даже несмотря на то, что изо всех сил пытаюсь сохранить серьезное выражение лица — я удивленно приподнимаю брови.

— О какой величине мы сейчас говорим?

— Крошечный. Больше похожий на миниатюрную веточку укропа. Корнишон, — она улыбается, зная, что мы находимся на одной волне.

Я позволяю себе усмехнуться, и напряжение испаряется почти внезапно. Понятия не имею, говорит ли она правду, но мы поставили этого осла на место.

— Ни в коем случае! У нее нет моей фотографии, — заикается Брэд.

— О, но я сделала ее, — она снова улыбается. — Это такая крошечная незначительная вещь, что она почти вылетела у меня из головы.

Я хлопаю его по спине.

— Не повезло, приятель, родиться с такой короткой веточкой. Ты ведь завидный жених, верно? Не хочешь же, чтобы половина Нью-Йорка увидела твой маленький член?

Он поджимает губы.

— Нет.

— Я тоже так думаю, — я снова хлопаю его по спине, потому что эта встреча обернулась спасением наглого Брэдфорда Дэниелса от такого позора, которое было столь велико, что он никогда бы не отмылся от него.

Оливия выходит вперед, выпрямив спину.

— Тогда поклянись Богом, что удалишь все копии моих фотографий на каждом устройстве, где бы они ни находились.

Брэд ошеломленно кивает.

— И, — говорю я, — ты подпишешь это, — я кладу на стол тонкую пачку бумаг. Мы с Оливией уже подписали последнюю страницу.

— Что это, черт возьми, такое? — устало бормочет Брэд.

— Признание. Где мы, в письменной форме, сообщаем, что ты совершал инсайдерскую торговлю и пытался заставить Оливию продать «Тейт и Кейн». И в обмен на то, что ты не выставишь ее фотографии, мы не будем сообщать о твоих преступлениях. Так что, если хоть одна фотография когда-либо появится в интернете, этот документ станет для тебя билетом в один конец в федеральную тюрьму, — я сдержанно и мрачно улыбаюсь ему. — Но это до тех пор, пока ни одна из фотографий Оливии или твое высказывание об этом не увидит свет. Что скажешь?

Брэд сглатывает, кивая головой.

— Отлично. А теперь уходите.

Он быстро пролистывает договор на последнюю страницу, ставит свою подпись, состоящую из быстрых, резких и косых линий, и сует его мне обратно.

Только когда мы оказываемся за пределами зловещего стального и стеклянного здания, Оливия позволяет себе победно вскрикнуть.

— Ты был невероятен, — в ее глазах сверкает триумф, а голос способен вскружить голову.

— Ты сама была не так уж и плоха, — отвечаю я с усмешкой. Встречный шантаж? Я не знал, что она способна на такое.

— Серьезно, ты видел его выражение лица, когда он подумал, что все женщины Нью-Йорка узнают о его маленьком дружке? Это было великолепно! — она снова хихикает.

— У тебя действительно есть фотография?

Она качает головой, посмеиваясь.

— Неа. Я блефовала, — и театральным шепотом добавляет, — это неприличная фотография.

Я громко смеюсь. Блестяще — это лишь вишенка на торте. Мне хочется дразнить ее, говоря, что *я ею безумно горжусь*. Но это почему-то кажется мне немного странным, поэтому я говорю лишь:

— Напомни мне никогда не играть с тобой в покер.

Окрыленные победой, мы вместе бредем по тротуару к машине.

— Ной? — обращается она ко мне, спустя несколько минут.

— Да, Снежинка?

— Спасибо за помощь. Главным образом за то, что не осудил меня за те фотографии.

— Эй, единственное, чего я хотел — это поставить этого мудака на место. Я бы никогда не осудил женщину за секс с ее парнем.

— Тем не менее, ты бросил все, чтобы помочь мне. После того как я просто... сбежала.

Я борюсь с искушением протянуть к ней руку и переплести наши пальцы вместе, или положить свою руку на ее талию, или просто слегка прикоснуться к ней. Но не делаю этого. Пока. Со всем этим переполохом, вызванным шантажом Брэда, я все еще не совсем понимаю, в каких отношениях мы состоим с Оливией. Она действительно сбежала с нашей свадьбы, вместо того чтобы посвятить меня в свою личную драму. И до сих пор ничего не сказала о контракте. Даже если эта победа имеет огромное значение, я еще не готов праздновать. Мне нужны ответы.

— Нам нужно вернуться в офис? — Оливия проверяет свой телефон, но сейчас лишь начало двенадцатого.

— Пока нет. Пойдем пообедаем.

— Хорошая идея.

Тридцать минут спустя мы сидим в ресторане средиземноморской кухни, который находится за углом от нашего офиса, потягивая чай со льдом и поедая хумус с теплым лавашем. (*Примеч. Хумус — закуска из нуттового пюре, в состав которой обычно входят оливковое масло, чеснок, сок лимона, паприка, кунжутная паста*).

— Боже, это выражение лица, — Оливия снова хихикает. — В ближайшее время я точно его не забуду. Спасибо за сегодняшний день. За все.

Я киваю.

— Это было совсем не трудно, — *мы просто сложили дважды два*.

— И если на то пошло, мне жаль, что я бросила тебя одного на пляже.

Я напрягаю челюсть. Хотел бы я, чтобы она доверилась мне и позволила помочь с самого начала? Конечно. Но я никогда не был на месте Оливии, и поэтому не могу судить о ее решении. Я понятия не имею, как бы себя повел, если бы моя бывшая угрожала мне — буквально — если бы я не согласился продать ей свою компанию. Черт, я почти такой

же упрямый, как Оливия. Я, наверное, захотел бы сам решить эту проблему. Но меня все еще что-то беспокоит.

— Кстати об этом... Шантаж — единственная причина, по которой ты сбежала?

Ее взгляд поднимается до уровня моих глаз.

— Конечно. Я же говорила, что готова к браку, и действительно так считаю.

Я киваю. Я почти спрашиваю ее, что она думает о том, чтобы выйти за меня замуж. Но в последнюю секунду решаю, что не готов услышать ответ на этот вопрос. Мне нужно помнить, что мы оба делаем это по необходимости.

У меня есть обязанности, горы обязательств. Страх перед неудачей — достаточная причина для того, чтобы дойти до конца.

Глава 4

Оливия

Мне казалось, я снова буду нервничать. И я нервничаю, но лишь чуть-чуть — не так, как раньше. Даже при том, что мои ладони ужасно потеют, сердце бьется ровно, и с животом все в порядке. Я почти чувствую, что парю, когда мы с Ноем снова стоим перед мировым судьей.

Она зачитывает наши свадебные клятвы, пока где-то на фоне слышится тихий плеск океанских волн, крики чаек, редкий звон буйков и сигналы судов. Со своих складных стульев за нами наблюдают два ряда гостей. И все это кажется правильным, не таким как раньше. Будто какая-то невидимая часть головоломки встала на место. Мои сомнения окончательно отпали, оставив легкость и свободу.

Судья вручает нам брачное соглашение и договор о наследстве, в которых уже все заполнено, кроме наших подписей. Сначала документы подписывает Ной, а затем я. Мое перо скользит по бумаге так же легко, как дальние парусники по воде. Наконец, после всех этих неудач, наши подписи стоят рядом.

— А теперь можете поцеловать невесту, — улыбается судья.

Гости аплодируют и смеются, когда Ной притягивает меня к себе. Я улыбаюсь ему, в груди разливается тепло. И внезапно я осознаю, что Ной всегда поддерживал меня. Не только в последнее время, как с ситуацией с Брэдом, но и когда мы росли. Он с детства постоянно присутствовал в моей жизни. Веселый, иногда назойливый, неизменно привлекательный, он всегда был рядом.

Ной так много сделал для меня, особенно за последний месяц. Он отказался от своей прежней жизни. От мысли, что с этого дня он обязан заботиться обо мне, у меня начинает кружиться голова, но одновременно меня одолевают тревожные мысли. Ничего не могу сказать насчет романтики и секса в нашем браке, но наша дружба неоспорима. Мы команда. Мы готовы противостоять всем трудностям, что ожидают в будущем.

Но каким бы правильным ни казалось нахождение Ноя здесь, рядом, наш брак по-прежнему вызывает сомнения. *Черт, я теперь жена.* Мне необходимо время, чтобы привыкнуть к этой мысли.

Когда неофициальный прием заканчивается, и все начинают выбрасывать свои бумажные тарелки и собирать сумки и куртки для возвращения обратно в город, я с облегчением вздыхаю. Попрощавшись с папой, Камрин и остальными гостями, я направляюсь к тихому летнему отчому домику.

Схватив сумку с ноутбуком, я захожу в свою старую комнату. Стоящий здесь письменный стол после того, как я повзрослела, стал довольно тесноват. Но этот дом слишком мал для отдельного кабинета, а сейчас мне комфортнее находиться в своей комнате, чем в главной спальне. Не хочу, чтобы Ной подумал, что в первую брачную ночь мы будем спать вместе.

Я открываю окно, чтобы впустить океанский бриз, сажусь в низкое кресло и открываю ноутбук, собираясь погрузиться в работу.

Но мое мирное уединение длится недолго. Из коридора раздаются приближающиеся шаги, затихающие возле двери.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает Ной позади меня.

Искоса посмотрев на него, я решительно заявляю:

— Это моя комната.

Ной указывает на мой ноутбук, как на злобную гремучую змею.

— Я не об этом. Что ты делаешь с этой штуковиной?

— Стратегический анализ, — это очевидно, ведь весь экран ноутбука усыпан электронными таблицами.

Он хмурится.

— Сейчас? После того, как мы только что поженились?

— А что еще мне делать? — мой тон холоден и провоцирует на ссору. Мне абсолютно точно известно, что у него на уме, но я даже не могу представить, что это предложение будет рассмотрено. Он большой мальчик и вполне может озвучить свои предложения. Не то чтобы он чего-то этим добьется.

Ной входит внутрь и садится на кровать лицом ко мне.

— Я знаю, что ты трудоголик, Снежинка, но это же смешно. Мы можем позволить себе провести нашу брачную ночь вместе.

— Мы? Я и так потратила много времени и денег на...

Я закусываю губу, все еще стыдясь того, что случилось с первой попыткой нашей свадьбы. Поставить Брэда на место было безумно приятно, но адвокат, составивший тот договор, оказался не из дешевых. Бюджет «Тейт и Кейн» намного уменьшился.

Ной протягивает руку, мягко приподнимая мой подбородок.

— Эй. Ты ничего не тратила, в этом нет твоей вины. Виноват тот мудака, который решил с тобой связаться. И мы должны были остановить его, потому что никто не посмеет обидеть мою девочку и остаться безнаказанным, — он приподнимает брови, стараясь акцентировать внимание на следующих словах, — так что не смей себя винить.

Захваченная врасплох, я не могу сдерживать улыбки. *Он всегда защищает меня... даже от самого себя.* Сказанные Ноем слова значат так много. Даже слишком.

— Ладно, ты прав. Я постараюсь перестать винить себя. В любом случае, все должно идти согласно плану.

— Поэтому нам необходимо провести вместе этот вечер, — настаивает он.

Я закатываю глаза, все еще улыбаясь.

— Господи, ты неумолим. Хорошо. Надеюсь, ты привез свой ноутбук, потому что этот бизнес-план сам себя не напишет.

— *Боюсь*, что нет, — говорит он, вскидывая брови. — Поскольку предполагал, что мы будем отдыхать. Я просто сяду рядом и буду читать все через твое плечо.

Он уходит и возвращается с деревянным стулом, взятым из кухни, ставит его рядом со мной и садится. Достаточно близко, чтобы чувствовать отвлекающее тепло его тела.

Иногда он протягивает руку и дотрагивается до меня — касается моего запястья, поясницы, отчего еще сильнее ощущается его присутствие и мужественность. С каждым его движением мое сердце бьется все быстрее и быстрее.

Именно этого я пытаюсь избегать все время — надежды, расцветающей в моей груди. Мне нужно искоренить это чувство сейчас же, потому что я знаю, что делает Ной. Он сдерживает себя и пытается сделать все возможное в нашей ситуации. Это только вопрос времени, прежде чем весь этот фарс даст сбой, оставив мое сердце разбитым.

Счастливый конец реален, и он так близко. И когда мы выведем в плавание корабль под названием «Тейт и Кейт Энтерпрайзес», я буду в состоянии думать о таких вещах, как аннулирование нашего брака и жизнь дальше, ну а пока необходимо уйти с головой в работу.

— Итак, что ты думаешь делать дальше? — спрашивает Ной низким голосом, который звучит слишком интимно для изучения кучи финансовых графиков.

Стараясь не замечать его пристального взгляда, я начинаю объяснять свой план.

Мы работаем до поздней ночи. В какой-то момент на столе у моего локтя появляется бутылка шампанского. Не знаю, когда это произошло — я была слишком поглощена работой, чтобы заметить, что делает Ной. Единственное, что я знаю, это то, что когда поворачиваю голову, я вижу сорванную с бутылки фольгу и два бокала, которых раньше там не было.

Я тут же говорю:

— И не надейся, что тебе удастся меня напоить, — не могу допустить, чтобы моя защита рухнула только для того, чтобы утром обнаружить разбросанную на полу спальни

одежду и ощутить сладкую боль между ног. Даже если я этого хочу. *Нет, Оливия. Я мысленно ругаю себя. Плохая девочка.*

— Кто говорит о том, чтобы напоить? — беззаботно спрашивает Ной. — Я просто подумал, что было бы неплохо выпить, пока мы работаем. Конечно, мы оба очень занятые люди, но мы только поженились. Давай отпразднуем скорое возрождение «Тейт и Кейн».

Идея на удивление соблазнительна. Я задумчиво вздыхаю... и сдаюсь.

— Хорошо. Но только один бокальчик, — может, немного шампанского поможет мне мыслить более творчески. Плюс этому мужчине невероятно трудно отказать.

Ной наливает два бокала, затем поднимает один и намеренно сверхдраматично произносит:

— За «Тейт и Кейн Энтерпрайзес», за его скорое возрождение. И за Снежинку, мою гениальную, потрясающе красивую жену, которая собирается вытащить наши задницы из долгов.

Мои щеки слегка розовеют. Я касаюсь своим бокалом его, пытаюсь скрыть улыбку.

— Мне казалось, это деловой тост.

Он смеется.

— Но ты бываешь такой милой, когда смущаешься, Снежинка.

— Ты о себе слишком высокого мнения, — бормочу я. Но он абсолютно прав. Он с легкостью может меня смутить. Я делаю первый глоток шампанского, а затем добавляю: — Спасибо, Ной.

Он смотрит на меня с дьявольской ухмылкой на лице.

— Это же наша брачная ночь. Даже не поцелуешь меня? Что произошло с первой базой?

Кончиком языка он медленно проводит по своим полным губам, пробуждая в мыслях образы, которые намного ярче, чем поцелуи.

Черт, я не могу отвести взгляда от его рта.

— П-прекрати валять дурака и помоги мне с работой, — рычу я.

Ранним утром я просыпаюсь в своем кресле с ноющей головной болью и отпечатком клавиатуры на щеке. Издав страдальческий стон, я сажусь — моему позвоночнику явно *не* понравилось сидеть, сгорбившись над столом в течение шести часов. Я почти слышу, как он хрустит.

Что-то мягкое и тяжелое сползает по моей спине. Смущенная, я оглядываюсь по сторонам и замечаю одеяло, лежащее на полу позади меня. Я определенно не доставала его. Если бы я была в сознании, то определенно бы понимала, что нужно прекращать работать и ложиться спать. Должно быть, это Ной укрыл меня.

И где он вообще?

Потирая глаза, чтобы прогнать сон, я встаю и оглядываюсь по сторонам. Я разочарована его отсутствием. Похоже, после того, как стало ясно, что я не прикоснусь к его члену, он пошел спать в спальню.

Ну, это к лучшему, не так ли? Я в состоянии быстро справиться с утренней рутиной без каких-либо перерывов и добраться до аэропорта с большим запасом времени.

Когда я спускаюсь вниз, на кухню, то вижу, как Ной стоит у плиты и жарит около полудюжины яиц всмятку. У меня возникает дежавю, которое переносит меня в наше первое совместное утро в новом пентхаусе. Хотя на этот раз на нем рубашка... Печально. Но он отлично выглядит со спутанными после сна волосами.

Кого я обманываю? Этот сексуальный придурок во всем хорош.

— Как провела брачную ночь? — не оборачиваясь, спрашивает он насмешливым тоном. Опять дразнит.

Полагаю, мне уже стоит к этому привыкнуть. Я беззаботно отвечаю ему:

— Ну, со мной был один дурак, который то и дело ошивался вокруг, пока я пыталась работать...

— Кажется, он доставил тебе массу хлопот. Может, мне стоит поговорить с ним после того, как позавтракаем.

Я подхожу ближе и останавливаюсь позади него. Немного колеблюсь, затем обнимаю его за твердую талию, прижимаясь щекой к его шее. Он на секунду замирает, явно не ожидая подобного с моей стороны.

— Эй, — шепчу я. — Я хочу еще раз поблагодарить тебя. Ты помог мне разобраться с Брэдом, — терпеть не могу признаваться в этом, но я не знаю, что бы делала без Ноя. — И... Не знаю. За все. За то, что терпишь все мое выходки, — я склонна вести себя как сумасшедшая, когда дело касается работы.

Его смехок проходит сквозь его спину, отдаваясь мне в грудь.

— Не глупи, Снежинка. Для чего еще нужны мужья?

Благодарность накрывает меня с головой. Я глубоко дышу, вдыхая его чистый, слегка пряный аромат, и выдыхаю ему в волосы. Это так легко. Все, что связано с Ноем, оказалось намного проще, чем мне казалось поначалу. Хотя, признаю, мне не с кем сравнивать. Ной знает меня с худшей стороны, и все-таки он здесь, готовит мне завтрак, позволяя обнимать себя. Он простил меня, словно ничего и не произошло.

На мгновение я просто наслаждаюсь этой атмосферой тепла, безопасности и спокойствия. Затем неохотно отхожу от своего мужа и начинаю готовить для нас кофе и чай.

Мы выносим наш завтрак на веранду, чтобы поесть на свежем воздухе, любуясь парусниками, покачивающимися в гавани. Я собиралась насладиться видом, но проходит около десяти минут, и мы углубляемся в разговор о работе. Ной предлагает несколько новых идей, которые раньше даже не приходили мне в голову. Я делаю мысленную заметку, чтобы добавить их в наш проект, пока будем лететь обратно.

Лететь. Подождите минуту. Я заглядываю в окно, чтобы проверить время на настенных часах, висящих на кухне, и тут же вскакиваю.

— Черт, мы опоздаем на самолет!

Ной пожимает плечами, делая еще один неторопливый глоток чая.

— Ничего страшного. Полетим следующим рейсом.

Мой испепеляющий взгляд говорит сам за себя.

— Ладно, ладно, — он поднимает руки, сдаваясь. — Возвращаемся на работу.

После обеденного перерыва мы заходим в офис «Тейт и Кейн». Мне не по себе, когда я прохожу по коридорам. Я почти наверняка похожа на параноика, но чувствую себя обесчещенной. Уже все знают, что у меня была брачная ночь. Не имеет значения, что я не спала с Ноем — все должны считать, что спала, верно?

Боже... Может, мне следовало переспать с ним. Если бы я знала, что утро будет таким неловким, вероятно, повеселилась бы ночью.

Черт, нет. Даже не думай о гребаном Ное. Это же безумие. Хотя он явно хочет меня, и часть меня желает того же, потому что его чертовски сексуальное лицо, голос, тело и произнесенные им слова всегда били меня прямо в...

С горящими щеками я спешу в свой кабинет. Я посылаю отцу по электронной почте проект нашего плана, наливаю себе гигантскую чашку кофе и проверяю непрочитанные за эти дни сообщения. Эта утомительная задача действует на меня почти так же, как холодный душ.

Через полчаса я получаю ответ от отца.

Похоже, проект великолепен. Давай обсудим? Я закажу пастрому в «Сала».

Я улыбаюсь про себя. Папа знает, что это мой любимый гастроном готовой еды. Несомненно, он также знает, что я не ела с тех пор, как прилетела. Я закрываю ноутбук и направляюсь к нему в кабинет.

Когда открываю дверь, папа улыбается, сидя за столом.

— Ваша работа как всегда великолепна. Когда вы нашли время подготовить это?

— Мы с Ноем работали вместе прошлой ночью, — сколько бы хлопот ни доставлял Ной, он заслуживает уважения.

Гордость на лице папы сменяется жалостью.

— Простой ночью? О, дорогая...

— Все в порядке, — говорю я, перебивая его. Не хочу слышать, как двое мужчин обсуждают мою брачную ночь менее чем через двадцать четыре часа после свадьбы. И хотя у меня нет сексуальной жизни, обсуждать ее с моим отцом все равно было бы слишком странно. — Итак, что ты думаешь о проекте?

Папа вздыхает, но понимает намек.

— Это лучше, чем все, что придумал я. Кажется, я принял правильное решение, поставив вас двоих во главе компании.

Что-то в его тоне заставляет меня насторожиться.

— Я чувствую, что за этим последует «но».

— Я не уверен, где мы найдем деньги на всю эту подготовку.

— Что ты имеешь в виду? Я дважды проверила наш бюджет. Разве что... — я замолкаю, закусив губу. — Что-то произошло, пока меня не было?

Он мрачно кивает.

— «Рэд Дог Оптикс» вышли из игры. В середине проекта. Они заплатят нам за результаты, которых мы успели достигнуть, плюс за досрочное расторжение договора, но все, что мы наработали... все труды коту под хвост. И, конечно же, мы не можем больше рассчитывать на них.

Я крепко зажимаю переносицу, пытаюсь отразить надвигающуюся головную боль от внезапного стресса. Это один из наших самых крупных клиентов — ну, был им. *Черт*. Меня не было в офисе меньше двух дней, и смотрите, что я пропустила.

Слава Богу, я не позволила Ною уговорить себя поменять билеты на более поздний рейс.

— Какого черта они это делают? — спрашиваю я. — Мы и раньше теряли клиентов... — я имею в виду, что мы теряли клиентов в течение многих лет. — Но не так внезапно. Почему бы не подождать истечения срока нынешнего контракта, а потом просто не подписать новый?

Папа качает головой.

— Без понятия. Насколько могу судить, наша работа над этим проектом соответствовала нашему обычному стандарту. Единственное объяснение, которое приходит на ум, это то, что они чего-то испугались.

— Они что, думают, что мы обанкротимся, прежде чем сможем закончить свой проект? — я нервно облизываю губы.

«Тейт и Кейн», конечно, переживает не лучшие времена, и я знала, что на нашу репутацию будет нанесен удар, когда совет начнет встречаться с предполагаемыми клиентами, и распространятся слухи... Но ситуация не настолько плоха, чтобы «Рэд Дог» так реагировали.

Я делаю глубокий вдох, заставляя себя успокоиться. Я становлюсь параноиком. Какой-то тупица, вероятно, бросил неосторожный комментарий своему приятелю по гольфу, его неправильно поняли, и сплетни пошли дальше. Если снова случится что-нибудь подобное, нам, скорее всего, потребуется провести расследование. Но сейчас у нас нет на это ни времени, ни денег.

— Тогда нам просто нужно найти консультанта, который готов реализовать наш проект за небольшие деньги, — говорю я с гораздо большей уверенностью, чем чувствую на самом деле. *Надеюсь, мы не получим работу, пропорциональную цене.* — И мы можем сконцентрироваться на том, чтобы вернуть старых клиентов, прежде чем попытаемся привлечь новых.

— Похоже на план, дорогая. Я всегда пойду за тобой, — папа наклоняется вперед. — Я рассчитываю, что вы проявите творческий подход и сохраните компанию, которую мы создали вместе... Не только ради вашего будущего, но и ради ваших детей.

Я растерянно смотрю на него.

— Дети? Это случится еще не скоро, пап, — рождение детей вообще не входило в мои планы. Я не хотела детей с тех пор, как узнала, что их приносит не аист.

Папа так же растерянно смотрит на меня.

— Не скоро?..

Мой телефон звонит. Я вытаскиваю его и вижу сообщение.

Ной: Ты слышала о «Рэд Дог»?

— Прости, пап, — вздыхаю я, не очень-то и жалея, что ухожу от темы про детей. *Спасибо, что спас меня, Ной.* — Я, наверное, должна встретиться с Ноем, чтобы обсудить это. Можешь передать доставщику, чтобы он принес пастрому в мой кабинет, когда придет?

Папа кивает, прощаясь, и я направляюсь к кабинету Ноя, подальше от разговоров о создании семьи. Последняя часть нашего разговора была какой-то странной. Уверена, у папы имеется целая сказочная история для нас с Ноем, но он это серьезно? Я даже близко не подхожу на роль матери.

Хорошо, вернемся к работе. Нам нужно понять, как начать реализовывать наш бизнес-план за небольшие деньги, и вернуть хотя бы несколько старых клиентов. Ной определенно сможет помочь в этих вопросах. Убеждение — его конек... Сладкие разговоры, торг во время подписи соглашений пойдут нам на пользу. И если попадется влиятельная женщина, он может включить очарование плейбоя и использовать свое красивое лицо, чтобы помочь заполучить ее. Как он сделал это с Эстель Осборн в «Клер де Луне».

Я сжимаю челюсть и начинаю идти немного быстрее. Да уж, тот ужин бесит меня больше, чем следовало. До сих пор не верю, что Ной — мой муж. Черт, я вообще никогда не хотела, чтобы он был «моим», во всех смыслах этого слова.

По крайней мере, месяц назад. Ну, или две недели. Но сейчас, возможно... думаю, что хочу. Боже, даже не знаю. В последнее время мои чувства стали такими сложными. Я вспоминаю озорную улыбку Ноя, его низкий, уверенный голос, произносящий мое имя...

Тогда я выбрасываю эти мысли из головы. Мы профессионалы. Я профессионал. Наша задача — вытащить нашу компанию из этого болота. Единственная проблема — чем мы будем питаться, как спать и дышать, пока не добьемся отмены советом решения о продаже «Тейт и Кейн». У нас нет времени на эмоции или желания.

Может, Ной прав в том, что я временами веду себя как Снежная Королева. Но сейчас, с более чем шестью тысячами рабочих мест, находящимися на чаше весов, это гораздо безопаснее, чем быть человеком. Мне просто нужно сохранять сосредоточенность и самообладание и молиться, чтобы мы прошли через это.

Глава 5

Ной

Когда Стерлинг набросился на меня с вопросом о том, как прошла брачная ночь, вместо того, чтобы ответить, я попросил его встретиться со мной за ленчем.

У моего лучшего друга имеется особое мнение о представительницах слабого пола, так что, надеюсь, у него найдется парочка советов для меня о том, как вести себя после провальной брачной ночи. Не то чтобы я ожидал, что Оливия опустится на колени и обслужит меня или раздвинет ноги в нашей супружеской постели, но поцелуй на грядущую ночь был бы приятным завершением дня. *Черт.*

— Неужели все так плохо? — спрашивает Стерлинг, когда я сажусь в кресло напротив него.

— Брачная ночь? Катастрофа.

Ему можно ничего и не отвечать, потому что его глаза говорят обо всем. В этих медовых глубинах, окаймленных темными ресницами, от которых женщины сходят с ума — *гребаный счастливчик* — таится смесь жалости и любопытства.

— Тебе нужно выговориться, — произносит он, откидываясь на спинку кресла и закидывая руки за голову.

К счастью, приближающаяся к нам официантка спасает меня от его советов в стиле доктора Фила. (*Примеч. Доктор Фил — американский психолог, писатель, ведущий телевизионной программы «Доктор Фил» про взаимоотношения между людьми*).

— Чем могу помочь, джентльмены? — спрашивает она.

Когда я попросил Стерлинга пообедать со мной, он согласился при условии, что мы отправимся в его любимый британский паб. Несмотря на то, что в моих венах течет английская кровь, я презираю эту еду. Стерлинг родился и вырос в сельской местности, за пределами Лондона, и ему все еще нравится эта еда. Думаю, она напоминает ему о юношеских годах.

Он заказывает завтрак пахаря (*Примеч. Завтрак пахаря — хлеб с сыром, дежурное блюдо в пабе*), а я выбираю наименее вредную еду, которую могу найти в меню — рыбу с жареной картошкой. Только с чаем наши вкусы совпадают.

Когда официантка уходит, он поворачивается ко мне, ухмыляясь.

— Итак, рассказывай. Как поживает твоя женушка?

Если он снова будет хлопать своими гребаными ресницами, будто флиртуя с девушкой, я убью этого сукиного сына.

— Хотя бы позволь мне дождаться своего чая, прежде чем начнешь меня оскорблять, — говорю я.

Официантка приносит маленький фарфоровый чайник с обжигающе горячим чаем. Он похож на тот, что стоит у меня дома. Я думаю об Оливии, и что-то внутри меня сжимается. Она просидела за клавиатурой до поздней ночи. Даже не знаю, действительно ли она была полна решимости во что бы то ни стало изложить свои мысли на бумаге или просто хотела держаться подальше от меня.

— Я не пытаюсь тебя оскорбить, — вздыхает Стерлинг. — Просто интересуюсь, в чем проблема. Полагаю, это была не та брачная ночь, о которой ты мечтал?

— Можно и так сказать, — я делаю глоток чая и нахожу, что он идеальной температуры.

— Она все такая же ледяная, как всегда, или немного смягчилась?

— Мы всю ночь провели за разработкой нового бизнес-плана, — отвечаю я.

— Боже. Эта женщина — настоящая стерва.

— И не говори.

Оливия действительно постоянно стремится к совершенству. Она умна, решительна и уверена в себе. И это, черт возьми, сексуально. Досадно. Но в то же время восхитительно.

Ничто не волнует эту женщину. Она умна и не терпит поражений. Я ни разу не видел, чтобы она отступала перед трудностями. Я мог наблюдать, с какой легкостью на заседаниях исполнительного комитета она одерживала верх над настоящими профессионалами своего дела, которые годятся ей в деды. А ведь они начали носить деловые костюмы, когда она еще ползала в подгузниках. И она даже не замечает, насколько прекрасна...

Я понимаю, что Стерлинг все еще наблюдает за мной, поэтому гоню эти мысли прочь. Они и так приобрели слишком сентиментальный для меня характер.

— Она, черт возьми, не ведет себя, как жена, — бормочу я.

Он пожимает плечами.

— Значит, она не романтик.

На самом деле, по словам ее подруги Камрин, все как раз-таки наоборот. Но я не говорю об этом Стерлингу, стараясь не произносить заезженных фраз.

— Она заснула за своим столом лишь после полуночи.

— Ты не достигнешь никаких успехов, если в свои двадцать шесть отвлечешься от цели.

— Наверное.

— Значит, судя по всему, с созданием ребенка возникли проблемы? — посмеивается он.

— Не совсем.

— Что планируешь делать? Женщины никогда не отказывали тебе, а теперь твоя собственная жена не желает с тобой спать, — разочарованно вздыхает он.

Когда на это я просто показываю ему средний палец, он извиняется и уходит в уборную. Как только Стерлинг отходит, я вытаскиваю свой телефон и проверяю почту.

Пришли три письма от Фреда, все о тяжелой ситуации в компании, и одно от Престона, сообщавшего мне, что на следующей неделе у совета состоится ознакомительная встреча с потенциальными покупателями компании.

Черт.

Я закрываю почту. Так как Стерлинг все еще не вернулся, я открываю приложение с бизнес-новостями и прокручиваю ленту с заголовками, надеясь отвлечься от плохих новостей с работы.

«Сможет ли новая «звездная пара» Манхэттена поднять на ноги динозавра в области маркетинга, пока не стало слишком поздно?»

Я начинаю читать статью, только чтобы узнать, что речь идет о нас с Оливией. Финансовые консультанты спекулируют на будущем компании и прогнозируют резкий скачок цен на акции из-за смены в руководстве.

Плевать. Не собираюсь смотреть, как наша компания идет ко дну. Но правда заключается в том, что мы еще не преодолели кризис. И все эти негативные отзывы в прессе еще больше обостряют ситуацию.

Раздраженный этим, я бросаю телефон на стол как раз в тот момент, когда подходит Стерлинг.

— Что на этот раз? — спрашивает он, садясь на свое место и разглаживая салфетку на коленях.

Такое чувство, будто моя работа и личная жизнь катятся в пропасть. Я не привык к такому, поэтому чувствую себя таким беспомощным.

Именно тогда я и понимаю, что решением этих проблем будет завоевание Оливии. Мы должны работать вместе, чтобы спасти этот корабль, а я устал от ее отказов,

пессимистичных мыслей по поводу того, что мы никогда не сможем сработаться. *К черту все.*

— Я знаю, что мне нужно делать, — внезапно произношу я.

— И что же?

— Мне нужно соблазнить свою жену. Я должен доказать ей, как нам может быть хорошо вместе.

Стерлинг кивает.

— Итак, что ты собираешься делать? Спланируешь какое-нибудь грандиозное свидание, чтобы добиться ее?

Я раздумываю над этим, затем качаю головой.

— Нет. Оливия слишком своенравна. Придется пойти на хитрость.

Когда в семь Оливия приезжает домой из спортзала, я уже готов. Я выключил свет и включил мягкий джаз, чтобы тот тихо звучал на заднем плане.

Она ставит свою спортивную сумку на пол, скептически глядя на меня.

— Что происходит?

Должно быть, она думает, что я создаю романтическую обстановку. Даже не знаю, хорошо это или плохо. Моя цель состоит в том, чтобы просто заставить ее расслабиться.

Пытаясь вести себя естественно, я отвечаю:

— Я заказал для нас ужин и решил, что мы могли бы провести вечер без таблиц и цифр.

Она пожимает плечами.

— Конечно. Я только приму душ.

Я ожидал большего сопротивления. Кажется, боги сжалились надо мной.

Легкой поступью своих ярко-розовых теннисных туфель, Оливия направляется в сторону ванной. Когда до меня доносится шум включенной воды, я направляюсь на кухню, чтобы закончить все приготовления.

Еда прибывает к тому времени, когда душ выключается. Я выкладываю содержимое контейнеров на пару небольших тарелок.

Здесь козий сыр с запеченным инжиром, обжаренные гребешки и запеченный картофель, покрытый сыром Грюйер. Пахнет восхитительно. Я наливаю два бокала красного вина и переносю все на журнальный столик в гостиную.

Я слышу приближающиеся шаги Оливии и бросаю взгляд вверх. После душа она надела черные леггинсы, подчеркивающие каждый изгиб ее стройных ног и круглой попки, вместе с серой толстовкой, оголяющей одно плечо со слегка веснушчатой кожей. Она все еще влажная и покрасневшая, и мне хочется прикоснуться к ней, чтобы понять, такая ли она теплая и мягкая на ощупь, какой кажется.

— Вау. Что это? — спрашивает она, садясь рядом со мной на диван.

— Всего лишь обычный ужин. Я подумал, мы заслужили немного отдыха, учитывая давление, которое на нас оказывает работа.

Она принимает бокал вина, который я вручаю ей, и делает глоток.

— Как мило.

Сладкий аромат геля для душа с запахом жимолости и ванили, которым она пользуется, срывает меня наповал, отчего хочется наклониться и попробовать ее кожу, губы, грудь на вкус.

Господи.

Нужно взять себя в руки. Мой план состоит в том, чтобы заполучить и добиться ее, а не накинуться с похотливыми желаниями.

Возможно, внешне она и кажется строгой, но я-то знаю, что на самом деле она слегка робеет, когда дело доходит до физического контакта со мной. Это совсем не то, к чему я привык. Большинство женщин жаждут оседлать Ноя Тейта.

Оливия без моей помощи справляется с каждым блюдом — отрезает небольшой кусочек морского гребешка, пробуя который издает слабый стон удовольствия; дует на горячую картошку, прежде чем сомкнуть губы вокруг нее.

— Восхитительно, — произносит она со стоном. — Как ты узнал, что я люблю тапас?

Я пожимаю плечами.

— Кажется, спросил у Камрин.

Она поднимает взгляд на меня, когда делает еще один глоток вина.

— Зачем?

Встречаясь с ней взглядом, я решаю выставить себя уязвимым.

— Потому что ты мне нравишься, Оливия. Я хочу, чтобы у нас все получилось.

И имею в виду не только воскрешение нашей компании и заработок денег. Я искренне считаю, что если она захочет попробовать, мы сможем стать настоящей, счастливой парой. Но не уточняю этого. Оливия ценит честность, но лучше не говорить слишком много и слишком рано. Или, возможно, все.

Я знаю, что мы совместимы, когда дело касается серьезных вещей: политики, религии, трудовой этики, и начинаю думать, что в спальне мы можем составить взрывоопасную комбинацию. Она пытается отрицать это, но ее тело не может лгать. Я так отчаянно жажду ее сочную попку и упругую грудь, даже этот остроумный ротик. Я всегда относился к такому типу парней, которые трахаются с девушкой и тут же ее бросают. Как только добивался желаемого, я тут же переключался на следующую. Но что-то подсказывает, что с Оливией мне будет этого недостаточно.

Для начала мне нужно узнать, какие чувства она испытывает насчет всего этого. Из-за шантажа Брэда, мы вынуждены были сосредоточить все свое внимание на этой проблеме, и я едва успел поговорить с ней о свадьбе, контракте и особенно о ребенке, которого мы должны произвести на свет. Мы должны обсудить эту проблему, как взрослые, ответственные люди.

— Итак, что ты думаешь о детях? — спрашиваю я.

Ее брови удивленно взлетают вверх.

— О детях?

Я медленно киваю, начиная смущаться и нервничать. Почему она так потрясена?

— Я, эм... Ну, я пока не думала о них, — произносит она, запинаясь.

Живот скручивает. Как, черт возьми, она не думала об этом? Это ведь Оливия, женщина, которая взвешивает каждое решение, составляя список плюсов и минусов. Ее детские письма Санте, вероятно, были написаны в официальном стиле с пронумерованными желаниями.

— Зачем? Ты же не думаешь о... — она так взволнована, что оставляет предложение недосказанным.

Конечно, я думаю об этом. У нас есть обязательства, которые нужно выполнить. В срок.

Но потом меня осеняет.

Охренеть.

— В день нашей свадьбы ты прочитала контракт или просто подписала его? — спрашиваю я, пытаюсь сохранить тон нейтральным.

Она пожимает плечами, поджимая под себя ноги.

— Просто подписала. Я уже знала, о чем в нем говорится. Папа и Прескотт сто раз все объясняли на наших встречах.

Я не ожидал, что из всех людей именно Оливия подпишет контракт, не прочитав его. Я настолько ошеломлен, что ничего не остается, кроме как оставаться спокойным, пока проходят минуты, и мы продолжаем потягивать вино из бокалов.

Я пытаюсь успокоиться и все обдумать. Но я в тупике. Контракт подписан — мы юридически связаны. *Связаны* уже почти неделю. И сейчас, когда я так долго молчал... как сказать ей об этом, чтобы не показаться лжецом, утаивавшим эту информацию все это время?

Кроме того, я на девяносто процентов уверен, что она разорвет контракт и уйдет, после чего наша сделка сорвется. Не могу допустить, чтобы это случилось. Если откажемся от наследника, у нас не будет второго шанса. А это, в свою очередь, означает, что люди в «Тейт и Кейт» — невинные люди, такие как Росита, зависящие от рабочих мест, которые мы им предоставляем — будут с королевским размахом посланы на хрен.

Не могу позволить, чтобы сделка сорвалась. Не могу пойти даже на малейший риск. Мне нужно завоевать Оливию, и пусть все произойдет естественным образом. Ну, так же естественно, как сделать беременной свою фальшивую жену.

Кроме того, даже если я расскажу ей про пункт о наследнике, и она чудесным образом не придет в ярость, это будет давить на нее — беременность ради спасения компании. Ведь сама она ребенка не хочет. Будет лучше, если я расскажу о достоинствах данной идеи.

Я подхожу к цели, не так ли? Я уже делал нечто подобное; она привыкла ненавидеть меня, и мне потребовалось меньше месяца, чтобы добиться своего и женить ее на себе. Изменить ее отношение к детям будет намного сложнее, но мне всего лишь нужно попытаться. В действительности — пойти на уступки. Стать самым очаровательным и привлекательным мужчиной. Если кто-то и может заставить женщину влюбиться достаточно сильно, чтобы создать семью...

Но Оливия не просто женщина. Я подавляю отчаянный стон. Охренеть... Над этим придется хорошенько потрудиться.

Что, черт возьми, мне теперь делать?

— Итак, что еще стоит на повестке дня, мистер Тейт?

Оливия тепло улыбается мне, даже не подозревая о внутренней борьбе, которую я веду сам с собой. Я дважды наполняю ее бокал, и что-то подсказывает мне, что она навеселе и чувствует себя беззаботно.

И кое-кто из нас берет это на вооружение.

Я собираю пустые тарелки, отношу их на кухню и складываю в раковину. А затем просто стою там, сжимая край столешницы. Нужно прийти в себя. Я чувствую, как квартира вращается передо мной.

Прежде чем принять какое-либо решение относительно данной проблемы, мне нужно хорошенько все обдумать. Но когда я оборачиваюсь и вижу Оливию, ожидающую меня в другой комнате, я не могу этого сделать. Я должен идти последовательно, шаг за шагом.

Но что, черт возьми, мне теперь делать?

— Ной? Ты идешь? — зовет она.

Я глубоко вздыхаю и возвращаюсь к ней. Понимая, что не могу допустить, чтобы этот неприятный сюрприз отвлек меня от моего плана, я решаю продвинуться вперед. Сегодняшним вечером, как предполагалось, она должна была отдохнуть, расслабиться и довериться мне. Нет никакого смысла губить весь вечер, бездумно выговаривая все. Позже я придумаю изящный способ рассказать ей обо всем.

— В последнее время ты была на взводе из-за работы. Мы оба, — говорю я, откидываясь назад.

Она кивает, соглашаясь.

— Сегодня я надеялся, что мы сможем отбросить все это прочь и расслабиться.

Оливия улыбается мне.

— Отличная идея. Я не достаточно расслаблена.

Часть меня почти шокирована тем, как легко она соглашается с этим. Другая часть все еще напряжена от осознания того, что она понятия не имеет, что я должен обрюхатить ее в течение следующих трех месяцев. А если точнее, двух.

Оливия ставит свой бокал на стол и отводит плечи назад, тихо вздыхая.

— Что случилось? — спрашиваю я.

— Просто немного напряжена, вот и все.

Я вдыхаю через нос. Нужно засунуть мысли о наследнике куда-нибудь подальше. Мы далеки от того, где Оливия дает мне возможность до краев наполнить ее своей спермой, так почему я сейчас думаю об этом? Первый шаг должен показать ей, насколько мы совместимы.

И он начинается прямо сейчас.

Я улыбаюсь ей.

— Сиди здесь. Я скоро вернусь.

Я хватаю бутылку с маслом для массажа из шкафа и возвращаюсь в гостиную. Мягкая джазовая музыка будто витает в воздухе, создавая приятную атмосферу.

Глаза Оливии округляются, когда я подсаживаюсь рядом с ней на диван, но она ни о чем меня не спрашивает.

— Я сделаю тебе массаж, — говорю я. — Снимай толстовку.

Оливия вздрагивает, прикусывая губу, пока смотрит на меня.

— Но я ничего под нее не надела.

А это идея.

— Обещаю не смотреть.

Она медлит еще секунду, потом поворачивается спиной ко мне и снимает толстовку через голову, сбрасывая ее на пол. Сливочный холст передо мной вызывает восхищение. Две ямочки на пояснице возле пояса ее леггинсов заставили бы мужчин плакать.

Я растираю несколько капель масла между ладонями и кладу свои руки на ее напряженные плечи.

— Расслабься. Ладно?

В ответ она поспешно кивает.

Пальцами я разминаю мышцы, которые чувствую под ее кожей, и когда подхожу ближе к позвоночнику, она стонет.

— Боже, как же хорошо.

— Как давно? — коварно спрашиваю я.

— Давно ли мне делали массаж? Да.

Мне хочется спросить, сколько прошло времени с тех пор, как она наслаждалась прикосновениями другого мужчины, но в последнюю секунду решаю не задавать этот вопрос. Последнее, о чем мне бы хотелось слышать, это о последних завоеваниях моей жены. Нет, спасибо.

Я продолжаю ласкать ее напряженные мышцы и чувствую, как она постепенно начинает расслабляться. Знать, что ее грудь обнажена и находится вне моей досягаемости — практически смертельный грех. Пытаясь узнать способ, чтобы завлечь Оливию дальше, я говорю:

— Если ты повернешься, я смогу добраться до передней части твоих плеч.

Полная ложь. Надеюсь, она не может читать мои мысли.

Когда она колеблется в течение нескольких секунд, я наклоняюсь и целую ее в шею.

— Ты моя жена, дорогая. В этом нет ничего такого.

Эти слова повисают между нами, расцветая во что-то большее, о чем каждый из нас когда-либо мечтал.

Она сглатывает, а затем медленно начинает поворачиваться ко мне.

Прикусив свою нижнюю губу зубами, с глазами, горящими от желания, Оливия смотрит на меня.

Не говоря ни слова, я капаю еще несколько капель масла на свои ладони, прежде чем потереть их друг об друга. Я начинаю массировать переднюю часть ее плеч и рук, стараясь не думать об эрекции в своих штанах.

Дыхание Оливии меняется — все вокруг нас меняется. Я быстро опускаю взгляд и вижу, как ее соски твердеют, превращаясь в маленькие бутоны.

Не в силах противостоять искушению, я касаюсь ее груди и провожу большими пальцами по соскам.

Оливия прерывисто вздыхает, ее губы раскрываются от удивления.

Мои пальцы, покрытые ароматным маслом, легко скользят по ее коже, когда я касаюсь ее сосков небольшими круговыми движениями.

Едва слышный стон срывается с ее губ, и я прижимаюсь к ней в поцелуе, зная, что она желает большего. Языком я раздвигаю ее губы, и она целует меня глубоко и страстно. Я получил ее такой, какой и хотел. Влажной. И готовой.

Пока мы целуемся, я медленно подталкиваю ее, и когда она ложится на диван, я нависаю над ней. Оливия обхватывает меня бедрами, приглашая прижаться еще ближе, и я прижимаюсь до тех пор, пока мой твердый член не находит ее теплый центр. Она задыхается, отрываясь от поцелуя. Я испытываю почти болезненное ощущение — мы так близко, и все же нас разделяют несколько слоев одежды. Но если у меня все получится, они скоро исчезнут. Губами я продвигаюсь к ее шее, продолжая вращать бедрами, задевая клитор.

— Все хорошо? — шепчу я, когда она останавливается, встречаясь со мной взглядом.

— Не останавливайся, — всхлипывает она, приподнимая бедра, чтобы снова ощутить трение.

Я наклоняюсь и беру ее розовый сосок в рот, лаская его языком и посасывая твердый бутон.

Оливия всхлипывает от удовольствия:

— Ной...

Мое имя на ее губах, произнесенное таким сладким, хриплым, полным желания голосом, разрывает последнюю нить моей сдержанности. Я приподнимаюсь на колени и хватаюсь за пояс ее леггинсов, стягивая их вместе с трусиками вниз по ее ногам, пока она не предстанет передо мной во всей красе.

Боже. Мой член увеличивается в размерах, упираясь в боксеры, и я чувствую, как капля предэякулята выступает на головке. Тело Оливии совершенно. Нежные, молочного цвета изгибы ее полной груди и гладкая киска с розовым клитором между сочных половых губ. Я хочу прикоснуться к нему своими губами и ласкать, пока она не закричит. Но нельзя торопиться, однако я не могу удержаться от прикосновений к ней. Пробежав кончиком пальца по всей длине ее щели, я слегка поглаживаю ее мягкий, набухший центр. Оливия издает едва слышимый, умоляющий всхлип.

Я пытаюсь действовать медленно, но с обнаженной Оливией, извивающейся на диване, и когда она смотрит на меня своими огромными голубыми глазами, это почти невозможно. Борясь с самим собой и изо всех сил пытаюсь притормозить и вспомнить о манерах, я осторожно поглаживаю клитор одним пальцем, пока другой рукой ласкаю ее грудь, пробегая по соскам.

Существует ли вежливый способ сказать: *«Объезди мое лицо, пока не почувствуешь мой язык»?*

— Все в порядке, принцесса? — вместо этого спрашиваю я, мой голос хриплый от желания.

— Мне так хорошо.

Она наблюдает за моей рукой, пока я продолжаю свои медленные, мучительные ласки, слегка поглаживая ее клитор, желая вытянуть из нее удовольствие. Я чувствую,

насколько она мокрая, и использую эту влагу, касаясь ее опухшего бутона, туда и обратно, туда и обратно.

Из ее горла вырывается разочарованный всхлип, и я знаю, что добился желаемого. Она не сможет уйти от этого — от нас — пока я не дам ей то, в чем она нуждается.

Оливия шире раздвигает бедра, когда поднимает свои ножки. На мой взгляд, это чертовски соблазнительно. Я могу заметить каждый рваный вздох, что вырывается из ее груди, каждый удар сердца, что пульсирует у нее на шее, и каждую волну дрожи, когда я дразню ее киску легкими касаниями.

— Ты невероятно прекрасна, — говорю я. — Такая отзывчивая и влажная.

Она снова стонет, двигая бедрами навстречу моему прикосновению.

— Ной... Это было так давно...

Когда я понимаю, что она больше не может выносить мои подразывания, я сползаю с дивана и опускаюсь на колени. Затем передвигаю Оливию таким образом, что ее попка оказывается на краю дивана, и раздвигая ее ножки достаточно широко, чтобы вместить свои плечи.

— Я собираюсь попробовать тебя на вкус. Если ты этого не хочешь, скажи сейчас.

Мы так близки, и я знаю, что она может почувствовать мое горячее дыхание между ног. Она кивает, ее грудь вздымается в предвкушении.

Затем я смыкаю свои губы вокруг ее опухшего клитора и начинаю посасывать его — сильно.

Ее бедра дергаются вверх, тело дрожит от натиска эротических поцелуев. Я удерживаю ее на месте, сжимая руками бедра, чтобы она не отодвигалась от меня.

— Давай же, детка, расслабься, — шепчу я в ее гладкую плоть, продолжая терзать ее.

Она тяжело дышит и тихо хныкает, ее стоны невероятно сексуальны. Ее вкус, запах, крики удовольствия — все так опьяняет. Внутри меня что-то распускается.

Я могу делать это всю ночь... Но вскоре все тело Оливии становится натянутым, как струна, пока руками она цепляется за мои волосы.

Ласкаю ее ртом снова и снова, улыбаясь, когда она кричит: «О, Боже, да!»

Я продолжаю ласкать ее, ускоряя темп. Мой ритм слишком быстрый, но я не смог бы остановить себя сейчас, даже если бы захотел. Она так близко, и я хочу быть с ней там.

Оливия выкрикивает мое имя в тот момент, когда дрожь пульсирует по всему ее телу. Как только она достигает оргазма, я ввожу в нее один палец, не в силах противостоять ощущению ее плотного захвата, сжимающего и пульсирующего вокруг меня.

Глава 6

Оливия

Что. За. Фигня.

Обессиленная, разгоряченная, потная и запыхавшаяся, я падаю на подушки. Губы Ноя просто свели меня с ума. Я все еще дрожу от толчков оргазма.

Ной отстраняется, ухмыляясь, словно кот, который съел канарейку. *Ну, есть что-то общее между поеданием еды и кунни, но не совсем...* Он демонстративно облизывает нижнюю губу, а затем вытирает рот рукавом.

— Ух ты, Снежинка. Я все думал, так же ли ты хороша на вкус, как и на ощупь? И не ошибся.

Я тут же начинаю искать быстрый ответ. Ну, или хоть какие-нибудь внятные слова. Но вместо этого лишь слегка киваю, снова любуюсь им, будто он не Ной, которого я всегда знала, а некий странный, экзотический вид, с которым никогда раньше не сталкивалась. И, черт возьми, возможно, так и есть. Один лишь язычок этого мужчины доставил мне такой сильный оргазм, что я увидела звезды.

Его улыбка становится шире. Черт, он так хорош, и меня даже не волнует, что я тешу его чрезмерно раздувшееся эго. Его красивое лицо покраснело, зрачки расширились, веки отяжелели, а волосы спутались не без помощи моих пальцев. И если я посмотрю вниз, то увижу заметную выпуклость, натягивающую молнию его брюк, с мокрым пятном на конце.

Встав на колени, он медленно придвигается ко мне, касаясь чувствительного местечка между моих бедер, пока наши тела не прижимаются друг к другу. Его влажные губы касаются моего уха, когда он шепчет:

— Если хочешь, можем заняться кое-чем более интересным.

Его эрекция трется о мой сверхчувствительный клитор, отчего я начинаю задыхаться. Фантастика, но тем не менее новый поток тепла распространяется по моему телу.

У меня только что был оргазм, который занял первое место среди всех оргазмов, что я испытывала за всю жизнь, но часть меня *действительно* хочет большего. Я хочу прикоснуться к Ною. Хочу почувствовать, как наши тела движутся в унисон. Хочу, чтобы его огромный член оказался внутри меня, трахая так, что после этого я не смогу ходить прямо. Хочу, чтобы он излился в меня — неужели и вправду хочу? Он должен видеть, как я таю, превращаясь в лужицу.

Почти сам по себе мой рот открывается, чтобы ответить. Я едва могу подавить еле сдерживаемое удовольствие. Этим вечером может случиться все, что угодно, мне лишь нужно протянуть ему руку...

Но что будет потом? Что будет утром?

Уже далеко не в первый раз я думаю о том, чтобы переспать с Ноем. Ну а как еще, когда каждый день перед тобой с важным видом ходит сексуальный Аполлон? Но теперь, когда случай действительно представился, я струсилa. Если скажу «да», пути назад не будет, и осознание этого парализует меня. Что, если я потеряю голову, сердце, компанию? И все из-за мужчины... который является известным бабником.

Теперь, когда мои мысли пришли в порядок, я не могу остановиться. Насколько могу судить, есть только два возможных варианта развития событий. Либо это будет всего лишь веселым развлечением, где мы просто потрахаемся, либо... секс изменит между нами все. И я даже не знаю что хуже. Я не готова к любви, но мне не по душе секс без чувств.

И тогда возникает вопрос, как мы дошли до такого. Мы же заключили брак по расчету. Может, мы и стали ближе друг к другу, но это не меняет того факта, что наши отношения изначально были связаны с бизнесом. Это не по-настоящему. Будто мы

используем друг друга — даже если и для общего блага. Мы жертвуем нашими шансами найти в будущем настоящую любовь с нашими не фиктивными спутниками жизни, пока каждый из нас будет играть роль, которую должен.

Все уже вышло из-под контроля. Черт... Этот вечер стал ошибкой. Я не должна была позволять Ною соблазнить себя. Я должна была сказать ему, чтобы он отвалил и пошел спать.

Я слишком долго молчу. Чувствуя мои колебания, Ной приподнимается, чтобы взглянуть мне в глаза.

— Ты в порядке?

Я сопротивляюсь желанию поднять на него взгляд.

— Да. Просто... я не уверена.

Ной на секунду замолкает. Во всяком случае, почти; он так близко, что я могу услышать, как он вдыхает через нос. Словно ведет диалог сам с собой.

Наконец, он произносит:

— Тогда давай остановимся.

— Но у тебя до сих пор не было возможности... — я все еще чувствую эту огромную, твердую выпуклость возле внутренней стороны бедра.

— Эй, я большой мальчик. И смогу сам о себе позаботиться, — он подмигивает мне.

О, поверь мне, я знаю. Мои щеки краснеют, когда вспоминаю, что случилось в прошлый раз, когда я оставила его неудовлетворенным. Но в его голосе слышатся напряженные нотки, и я не могу не чувствовать своей вины.

— Прости, — говорю я на автомате. Это несправедливо. Он потратил столько сил, устраивая это милое вечернее свидание, подарил мне один из лучших оргазмов, которые я когда-либо испытывала, а теперь я не могу ему ничем отплатить. Просто собираюсь оставить его с болезненными от воздержания яйцами. *Боже, я чувствую себя чертовой сукой.*

Он отвечает мне быстро и резко.

— Эй. Никогда не извиняйся. Не хочу, чтобы это произошло только потому, что ты чувствуешь себя обязанной, — прежде чем я успеваю моргнуть, его серьезный тон тут же улетучивается, и он ухмыляется. — Ной Тейт не нуждается в сексе из жалости. Когда мы, наконец, сделаем это... — губами он касается моей шеи, и от этого последнего поцелуя я вздрагиваю, — я хочу, чтобы это произошло только потому, что ты попросила. Ради меня.

Затем он отстраняется, чтобы встать и помочь мне подняться на ноги. Я пошатываюсь. Боже, этот оргазм сразил меня. Может, я передумаю...

Нет, я не могу. Я не готова перейти к следующему этапу. Пока нет, но, может, когда-нибудь.

Мы готовимся ко сну в полном молчании. Пока чищу зубы, я твердо уверяю себя, что приняла правильное решение. После наших сегодняшних забав, будет лучше, если мы сосредоточимся на бизнесе.

И в отличие от нашей первой ночи, проведенной в новом пентхаусе, я заткну уши и буду смирно лежать, если Ной надолго отлучится из постели. Теперь-то я точно знаю, чем он занимается.

Я плохая жена? Я не должна так беспокоиться об этом, но не похоже, что когда-либо хотела стать его женой. Но, так или иначе, мы женаты. И Ной мой друг. Каковы бы ни были наши юридические отношения, я обязана ему, как друзья обязаны друг другу.

Что Ной чувствует по поводу произошедшего сегодня вечером? Он так быстро отступил. Знаю, он никогда не давил на меня из-за близости и не заставлял чувствовать себя так, будто я что-то ему должна, но я ожидала немного больше раздражения. Он казался расстроенным, но в этот раз было что-то не так. Ему было... стыдно? Он думал, что обидел меня или напугал? Или это просто из-за того, что мы выпили? Мне не становится легче от мысли о том, что мы с Ноем будем чувствовать себя виноватыми после секса.

Я вздыхаю. Приятная атмосфера вечера катится в пропасть. Понятия не имею, что чувствовать по этому поводу. Я хочу...

Чтобы мама была жива.

Она могла бы дать совет. Она знала, в чем заключается смысл брака. Как стать хорошей женой. Папа может рассказать мне свою историю, но есть некоторые вопросы, которые женщина может задать только другой женщине. А Камрин так же неопытна в браке, как и я.

Мы с Ноем ложимся под одеяло, отворачиваясь в противоположные стороны. Несколько сантиметров, разделяющих нас, кажутся километрами. Я сворачиваюсь на своей стороне кровати и лежу неподвижно и тихо, ожидая прихода сна, который выведет меня из этой неловкой ситуации.

Придя на следующий день на работу, я включаю режим Снежной Королевы. Мне нужно твердо держать оборону, но мрачные мысли о прошлой ночи продолжают терзать мой разум. Ной заставил меня чувствовать себя такой сексуальной, такой невероятной, но я не могу позволить чему-то отвлечь себя. Только работа, никакой ерунды.

Если пересплю с Ноем, кто знает, как изменятся мои чувства? У служебных романов есть небольшой недостаток... после его завершения кому-то всегда становится больно, и атмосфера на рабочем месте становится напряженной. *Нет, черт возьми, спасибо.* Спасение «Тейт и Кейн» имеет первостепенное значение. В моей жизни достаточно стресса и эмоциональных потрясений, и мне совсем не нужны еще и те, которые появляются вместе с сексом.

«*Не хочу об этом думать*», — повторяю я снова, когда ополаскиваю свою кружку в комнате отдыха. — «*Это правильное решение*».

Кто-то похлопывает меня по плечу.

— Есть минутка? — спрашивает Ной.

Черт... С кем с кем, а с причиной всех своих переживаний мне бы хотелось поговорить в последнюю очередь. Но, обернувшись, я говорю сдержанно и профессионально:

— Да? Что случилось?

— Помнишь, я играл на прошлой неделе в гольф с руководителем отдела маркетинга в «Рэд Дог»? — когда я киваю, Ной продолжает. — У него есть для нас клиент.

Что-то в его тоне заставляет меня нахмуриться.

— Тогда почему ты не выглядишь счастливым?

— Ну, он познакомил меня с их руководителем по проекту, я поговорил с ним и...

— Ты принял его предложение, не спросив меня? — перебиваю его я. Он должен знать, что я терпеть не могу быть не в курсе чего-либо.

— Расслабься. Я просто прошупывал почву, ничего больше. Так или иначе, они определенно крупная рыба. Готовы очень хорошо заплатить... но взамен хотят, чтобы мы сотрудничали с их штатом по маркетингу.

— О, Боже, — это означает, что никакой творческой самостоятельности нам не видать, да еще и все обременится бюрократией и постоянным контролем. — Зачем заключать контракт с другой фирмой, если собираешься держать их в ежовых рукавицах?

— Может, новый клиент — любитель командовать.

Я демонстративно игнорирую подмигивание Ноя.

— По-моему, ты должен найти достойный способ сказать им, чтобы они шли куда подальше.

— Даже не знаю, — говорит он, пожимая плечами. — Мы можем заработать много денег.

— И потеряем массу времени и усилий, борясь с их ограничениями. Эти парни явно не доверяют суждениям, они платят — а это развязывает им руки. У нас есть другие потенциальные клиенты, которые принесут большой доход.

— Но мы не знаем наверняка, что сотрудничать с ними — это плохо. И если сможем играть по их правилам, возможно, в будущем они дадут нам больше свободы.

— Ты хотел узнать мое мнение, и ты его получил. Делай, что считаешь нужным.

Обычно я настаиваю на своей точке зрения, но сейчас хочу, чтобы Ной отстал от меня, чтобы я смогла спрятаться в своем кабинете и не сойти с ума от неловкости.

— Кстати, — усмехается Ной, — я знаю, что говорил это раньше, Снежинка, но ты такая милая, когда упрямисься.

— Тогда я всегда милая. Рада, что наши мнения хоть в чем-то сходятся, — говорю я. И, как только произношу это, тут же сожалею. Черт, я хотела поставить его на место своим ответом, но вместо этого сама себя втянула в этот глупый флирт. Почему всегда так происходит?

Прежде чем я успеваю уклониться, Ной целует меня в губы. У меня отвисает челюсть, и я смотрю на него, моргая широко раскрытыми глазами. Через плечо я замечаю проходящего мимо отца. Он останавливается, добродушно улыбаясь нам, как бы говоря: «Ах, юная любовь... Как это мило».

Нет, ни хрена. Ной *не* имеет права так поступать. Не может прерывать наши разговоры, когда ему становится скучно. Не может решать все проблемы, словно я какая-то глупая девочка, играющая в бизнес. И целовать меня перед отцом, отчего я чувствую себя неуютно. Это слишком — проявлять свои чувства на работе. Слишком — проявлять свои чувства в присутствии моей семьи. И еще раз слишком — проявлять свои чувства в моем нынешнем состоянии: растерянном, двусмысленном, оборонительном, возможно, даже немного боязливом, если быть предельно честной.

Придя в себя, я одариваю Ноя своим самым лучшим неодобрительным взглядом.

Мое раздражение разрастается, когда в ответ Ной подмигивает мне, будто не понимая, что я имею в виду. Словно из нас только один мыслит здраво, и это явно не я.

— Я пытаюсь обсудить с тобой важную тему, а ты не принимаешь меня всерьез. Кроме того, мне не нравится публично выражать свои чувства.

Он поднимает руки в жесте капитуляции.

— Господи, Снежинка, я просто пошутил. В чем проблема? Не думал, что ты до сих пор обижена... — он позволяет концу этой фразы — *после прошлой ночи* — остаться невысказанной. И это хорошо, потому что если он когда-нибудь заговорит на работе о нашей сексуальной жизни, я убью его.

Я усмехаюсь.

— Да ладно тебе, не думаешь же ты, что один незначительный оргазм заставит меня падать при виде тебя в обморок. Потребуется гораздо больше усилий, чтобы заставить меня... — я замолкаю, прежде чем произношу слово *влюбиться*.

Он кивает, а затем пожимает плечами.

— Помечтать же можно. Но мне обидно, что ты назвала это незначительным оргазмом, — шепчет он низким, бархатным голосом. — Учítывая, как ты кричала и царапала мне спину... он был не такой уж и *незначительный*. Толчки, наверное, почувствовали в Китае.

Я в шоке. Я открываю и закрываю рот, но ничего не произношу.

— Называй меня непрофессиональным, если хочешь. Я готов забрать слова обратно. Однако ночь дана нам для удовольствия, а ты не можешь отрицать, что этот день длится чертовски долго.

Я, наконец, обретаю дар речи.

— Мне не хочется огорчать вас, мистер Тейт, — произношу я, — но у некоторых из нас нет времени на развлечения.

Не дав ему возможности ответить, я поворачиваюсь на каблуках и ухожу. С меня хватит.

Я уединяюсь в безопасной, мирной обители своего кабинета, настраиваясь проделать большую часть работы, забыв про Ноя. Но почти через час так ничего и не добиваюсь. Просто тупо пялюсь в монитор, не записывая никаких слов или цифр, полностью погруженная в свои мысли.

Ной — это сексуальный подонок, который перевернул все с ног на голову. Однако, несмотря на то, что я не хочу зачислять ему премиальных очков, он прав в одном — я не могу отрицать, что прошлая ночь была удивительной. И чем больше об этом думаю, тем меньше вижу смысла отрицать это, и тем больше удивляюсь...

Почему я сопротивляюсь?

Единственный человек, с которым я когда-либо спала, это Брэд, и эти встречи всегда оказывались скучными — в лучшем случае, и ужасными — в худшем. Пока он трахал меня своим маленьким членом, я пыталась достичь кульминации и с треском проваливалась. Может, мой печальный опыт сделал меня пугливее, чем это нужно.

Если прошлая ночь и говорила о чем-то, так это о том, что Ной явно решил заполучить меня. И он точно знает, что нужно делать в постели. *Если он так хорошо работает своим ртом, то могу лишь догадываться...* Одно только воспоминание вызывает во мне жар. Ной может с легкостью восполнить все годы без секса, как и годы плохого секса, разочарования и неопытности.

Ближайшее будущее нам придется провести вместе. По крайней мере, довольно долгое время мы должны сохранять видимость этого брака, чтобы снова вывести компанию на стабильный уровень и получать от нее прибыль, что станет немалым подвигом. Это может занять несколько месяцев. Длинные, изнурительные часы, невероятное давление, усталость и стресс. Почему бы и не воспользоваться тем, что мы вдвоем застряли в этой ситуации? И разве я не заслуживаю чего-то, что так хотела бы получить в конце тяжелого рабочего дня?

Секс с самого начала был неизбежен. Мы уже целовались, и это было здорово. И мне даже не придется переступить через свою гордость — не слишком сильно, во всяком случае — поскольку спор о том, что Ной сможет соблазнить меня в течение четырех дней, давно истек.

Итак, чего же я жду? Какой смысл в «испытательном сроке», если отношения никогда не перерастут в настоящие? И чего бы я добилась в жизни, отступая назад? Конечно, я не сорвиголова, как Ной, но есть разница между разумной осторожностью и паранойей. Если я всегда буду действовать осторожно, ничего не изменится. Я просто застряну на одном месте навсегда. Мне нужно сделать решительный шаг. Избавиться от трусиков большой девочки, и *пошло оно все на хрен*.

Я решительно киваю, собираясь с силами. Так... Вот что. Я пересплю со своим мужем. Итак, я сказала это. Я собираюсь насладиться супружеским сексом. Я ведь зрелая, ответственная женщина — я справлюсь. И всегда смогу позвонить и все отменить, если попробую, и мне не понравится.

Я все еще хочу когда-нибудь встретить свою родственную душу и закончить свой роман фразой «и жили они долго и счастливо». Но сейчас в моей жизни нет места настоящей любви. Прямо здесь, прямо сейчас, у меня есть Ной. А такие на дороге не валяются. Он один из самых сексуальных мужчин, с которыми я когда-либо встречалась, и, что более важно, он добр ко мне. Наша дружба прочна; я доверяю ему, с ним весело, и я точно знаю, что он не причинит мне боль.

Что может случиться? С этой мыслью я отправляюсь в кабинет Ноя, мое сердце стучит громко и быстро.

Он оставил дверь широко открытой. Когда я заглядываю внутрь, чтобы увидеть, как он сидит за своим столом, он поднимает на меня взгляд поверх монитора своего компьютера.

— Тебе что-то нужно? — спрашивает он.

Я захожу внутрь, прикрывая за собой дверь. Это определенно будет самым странным предложением, которое я когда-либо делала на работе. Сделав глубокий вдох, я сталкиваюсь с Ноем взглядом с такой спокойной уверенностью, с какой только могу.

— В общем, — бросаю я небрежно, — я тут подумала. Может, тот оргазм был не так уж и плох...

Глава 7

Ной

Спустя час после того, как она выставила меня идиотом и убежала, Оливия стоит перед моим столом. И под ее нервозностью заметен озорной блеск в глазах.

— Не так уж плох? — дразню ее я, притворяясь удивленным. — Мне казалось, немногим ранее ты называла его незначительным.

Она качает головой. Между ее бровей появляется крошечная складка, и я знаю, что над всем тем, что она сейчас собирается мне предложить, она много размышляла.

Я встаю и обхожу стол, останавливаясь напротив нее. Не могу больше на нее давить.

— Превосходно, потому что есть много других способов достичь оргазма.

Мне нравится, как она краснеет. Она прекрасна, когда полностью расслаблена и беззаботна. Именно такую Оливию я и люблю.

— Хорошо, потому что я думала над этим. Может, весь этот фарс по поводу замужества этому поспособствовал, — говорит Оливия.

— Может быть. У меня большой член, и я знаю, как им пользоваться. И мы сошлись во мнении, что даже тебе, Снежинка, понравился оргазм. Осталось шесть часов до работы... Этого времени более чем достаточно, чтобы заставить тебя выкрикивать мое имя.

— Боже, как ты груб, — говорит Оливия, покраснев еще больше.

Бинго.

— Как ты хочешь, чтобы я вел себя, Оливия? Как твоя маленькая декоративная собачка из бухгалтерии, вежливая и воспитанная, выполняющая каждую твою прихоть? Для начала тебе придется стерилизовать меня.

Она поднимает подбородок.

— Извини, Снежинка, но я мужчина. Мужчина, который говорит то, что думает, борется за то, во что верит, умрет за страну и ест красное мясо. Я ни под кого не прогибаюсь. Хочешь трахаться и выпустить пар? Прекрасно. Это будет весело. Но я не собираюсь отдавать тебе свои яйца.

Она закатывает глаза.

— Просто молчи, и все будет в порядке.

Я ухмыляюсь. Мне доставляет удовольствие видеть ее взволнованной.

— Нет, серьезно, молчи.

Кивнув, я демонстративно сжимаю губы.

Я достаточно умен, чтобы понимать, когда нужно замолчать. И когда секс с Оливией виднеется на горизонте, я более чем готов вступить в эту игру. От всех этих подразниваний и подшучиваний моя маленькая Снежинка тает, медленно, но верно... Все идет согласно плану.

— Что все это значит? Я уверена в своем решении. Ты же понимаешь это, не так ли? — удивленно произносит Оливия, возможно, даже немного сердито. Но на ее лице сияет огромная улыбка.

Сегодня вечером я веду ее на официальное свидание. Я заставил наш пентхаус от пола до потолка бледно-розовыми пионами — на каждом столе и полке стоят хрустальные вазы или маленькие чаши, наполненные ароматными лепестками. Они плавают даже в теплой ванне, которую я набрал для нее.

— Мы же на самом деле не встречаемся. Тебе не нужно было этого делать, — говорит она, подразнивая. — Это просто бизнес. И секс. Вот и все.

Не хочу признавать, но мне немного больно. Если бы я сделал все это для другой женщины, она была бы поражена и изумлена. Но завоевать Оливию не так-то просто, в отличие от любой другой женщины.

— Поспеш. У нас зарезервирован столик на семь тридцать, — я игриво шлепаю ее по попке.

— Да, сэр, — лепечет она, проходя мимо.

Черт... Я уверен, что она сказала это с сарказмом, но мне понравились эти слова больше, чем что-либо.

Оливия направляется в ванную комнату, и я слышу мягкий стон, когда она опускается в воду.

Я испытываю сладкую пытку от понимания того, что она раздевается по другую сторону этой двери. Но она сказала мне, что готова заняться сексом, а это значит, что я должен поступить правильно — рассказать ей о пункте в договоре, гласящем о наследнике.

Пока она моется, прихорашивается и надевает платье, я жду в гостиной, пытаюсь привести мысли в порядок. Сегодня вечером должен состояться самый важный разговор, который у меня когда-либо был. Будущее «Тейт и Кейн» зависит от того, как хорошо я преподнесу эту новость.

Но затем она выходит из спальни, и я забываю, как дышать, не говоря уже о важном разговоре.

— Вау. Ты выглядишь...

— Отлично? — она кружится передо мной.

Платье длиной до колен выглядит скромно, не демонстрируя ноги или глубокое декольте. Но сзади вырез опускается чуть выше ее попки. И глубокий винный цвет выгодно контрастирует с ее молочного цвета кожей.

Боже милостивый.

— Ты выглядишь аппетитно, — запинаясь, произношу я.

Лукавая улыбка появляется на ее ягодного цвета губах.

— Аппетитно?

Вот и действуй гладко и хладнокровно.

— У нас будет достаточно времени для этого, — говорю я, немного оправившись от ее внешнего вида. — Готова?

— Да, но ты так и не сказал, куда мы едем.

Мой телефон звонит, и я проверяю уведомление.

— Машина уже здесь. Пойдем. Расскажу по дороге.

Я беру ее за руку и веду к входной двери, где она берет маленькую серебристую сумочку и помаду.

Когда мы выходим на улицу, Оливия останавливается на тротуаре.

— Ты заказал лимузин?

Я открываю дверь гладкого черного «таун-кара» и киваю.

— Это особый случай, — Оливия садится внутрь, и я наклоняюсь, чтобы встретиться с ней взглядом. — К тому же, я смогу прикасаться к тебе, не отвлекаясь на вождение машины, — усмехаюсь я.

Оливия смеется, тепло и глубоко, и этот звук проникает прямо к моему сердцу. Мне нравится ее улыбка. Честно говоря, находясь рядом с ней, а не за рулем, я смогу целиком и полностью сосредоточиться на Оливии.

Сегодняшний вечер будет значить больше, чем первое занятие сексом. Сегодня вечером я буду близок с женой. *Со своей женой.* Черт, я до сих пор не привык к этому — к мысли о жене, к мысли, что ею является Оливия. Но я серьезно отношусь к этому. Сегодняшний вечер означает гораздо больше, чем просто случайная связь. Мне очень нравится Оливия. Я хочу, чтобы у нас все получилось. Кроме того, я никого не трахал в течение нескольких месяцев. Мое тело более чем готово к этому.

Она подвигается на сидении, и я сажусь следом. Поскольку я уже рассказал водителю план на сегодняшний вечер, он без лишних слов трогается с места.

После ужина в прекрасном ресторане морепродуктов, где мы насладились омарами, вином и лимонным чизкейком на десерт, мы с Оливией едем в один из лучших джазовых клубов города, где садимся за крошечный круглый столик на двоих с прекрасным видом на сцену.

Она тянется и сжимает мою руку, пока группа разогревается.

— Спасибо. Не могу поверить, что ты все это спланировал.

Я пожимаю плечами.

— Ничего особенного.

Оливия хмурится.

— Это не *ничего особенного*. Поверь, когда я говорю, что ни один человек для меня никогда не устраивал настолько экстравагантное свидание.

Никогда? Это одновременно успокаивает меня и немного выводит из себя. Я рад, что она поражена, но это, черт возьми, трагедия, что за ней никогда должным образом не ухаживали. Конечно, Оливия заслуживает всего этого — и даже больше.

— Ну, ты теперь со мной, детка.

Она прикусывает нижнюю губу, и на кратчайшее мгновение я замечаю колебание в этом жесте. Я, возможно, не был тем, кого она бы выбрала в качестве мужа, но это ничего не меняет. Что бы ни случилось, куда бы мы не двинулись по жизни, я всегда буду ее первым мужем. Часть меня надеется, что я буду ее единственным мужем, как бы сумасшедше это ни звучало.

За ужином мы хорошо поболтали. Правда, в основном о работе, но это были светские сплетни, поэтому мы оба смеялись. И теперь мы перешли к третьему бокалу вина, а мягкий джаз, бесспорно, создает романтическую атмосферу.

Губ Оливии касается мягкая улыбка, пока она смотрит на сцену. Но, несмотря на прекрасный вечер, я не могу отделаться от мысли, которая крутится в моей голове весь вечер. Мое чувство вины достигло точки кипения. Как бы я хотел просто наслаждаться нашим свиданием, но не могу больше откладывать. Я должен рассказать Оливии о ребенке, которого мы должны зачать. Сейчас же.

— Оливия, я...

Она поворачивается и прикасается к моей руке.

— Потанцуем?

Ее глаза полны надежды, и я никогда не думал, что она посмотрит так на меня. Я киваю и встаю.

Затем мы покачиваемся на танцполе: кончики ее пальцев касаются моей шеи, сладкий аромат жимолости обволакивает меня, а мои руки лежат на изгибе ее бедер, словно были созданы, чтобы касаться их. И я... Просто не могу. Не сейчас. Этот момент слишком совершенен, чтобы его портить.

Кажется, она, наконец, начинает понимать, что быть со мной не так уж и плохо. Я даю себе обещание, что поговорю с ней, как только мы вернемся домой. А пока проглатываю слова, застрявшие в горле, и просто держу ее.

В тот момент, когда дверь пентхауса закрывается позади нас, Оливии прижимается губами к моей шее, а рукой к члену.

Привет, мгновенный стояк.

— Вау. Помедленнее, детка. У нас впереди целая ночь, — я беру ее за запястье, отводя руку от своего члена. *Кроме того, нам еще нужно поговорить. Мы должны.*

— К черту медлительность. Я не спешила всю свою жизнь. До последнего обдумывала каждое решение. Не занималась сексом... — она делает паузу и смотрит вниз. — Несколько лет.

— Несколько лет? — я не хотел произносить эти слова с таким удивлением, но, черт возьми. *Серьезно?*

Она хмурится.

— Не смейся.

Я мягко касаюсь ее щеки.

— Не смеюсь, — я наклоняюсь и дарю ей целомудренный поцелуй. — Просто хочу, чтобы тебе было хорошо.

— Так и будет, — она целует меня. — Я не сомневаюсь в этом.

И когда она снова опускает руку на мой член, я не могу остановить ее, даже если бы захотел. Она расстегивает мои брюки, расстегивая «молнию» и запуская руку внутрь моих боксеров, чтобы погладить мой стояк. Ее руки такие нежные, такие теплые, и она впервые касается меня.

— Боже, Оливия, — бормочу я, приспуская брюки, чтобы она свободно могла погладить меня.

Неужели супружеский секс доставляет больше удовольствия, чем случайный? Ответ на этот вопрос — большое чертово «ДА». Поскольку лишь мысль о том, что я буду трахать свою жену, заводит меня сильнее, чем что-либо. Настолько, что выделяется смазка, которую, Оливия, кажется, не замечает. Она проводит большим пальцем по головке, размазывая теплую жидкость по чувствительной коже, заставляя меня стонать.

Я смотрю вниз, туда, куда устремлен взгляд Оливии. Ее рука двигается вверх и вниз по моему члену с твердой, но нежной хваткой.

— Ты такой большой, это так сексуально, — бормочет она.

— Да, детка. Теперь погладь этот большой член.

Я впираюсь в ее губы в голодном поцелуе, наши языки сплетаются, пока рукой она скользит вверх и вниз. О, Боже, я не могу думать, но мне нужно остановить это. Повести себя по-мужски и остановить ее. Рассказать ей, о чем думаю.

Но что я делаю вместо этого? Провожу пальцем по ее щеке и говорю:

— Опустись на колени и возьми меня в свой ротик, детка, — я фантазировал о нахальном ротике Оливии, обернутом вокруг моего члена, так долго, что мои фантазии должны сбыться.

Без тени колебания, которого я ожидал, она опускается на колени передо мной и сжимает мой член обеими руками.

Я не прошу, чтобы она сосала его, потому что, если она не тайный эксперт по минету, то может вывихнуть челюсть, так как я сомневаюсь, что влезу в ее рот. Так что вместо этого я провожу рукой по ее волосам, поглаживая ее по щеке, и смотрю, как она облизывает меня, как леденец, и ласкает своим язычком головку. Я ценю ее старания. И томный, влажный поцелуй, который она оставляет на головке, доставляет несравненное удовольствие. Оливия издает тихие заманчивые звуки, когда я глажу ее волосы. Она берет меня в рот и слегка посасывает, заставляя издать стон.

Я ставлю ее на ноги и снова целую.

— Давай перейдем в спальню.

Она нетерпеливо кивает и поворачивается, проходя впереди меня и покачивая бедрами в платье с открытой спиной.

Не могу поверить, что она моя. Не могу поверить, что она отдастся мне. Вспышка гордости с оттенком вины проносится сквозь меня, и я следую за ней.

В спальне Оливия наблюдает за мной, опуская бретельки платья с плеч, пока ткань не падает к ее ногам. Она не надела лифчик, поэтому остается стоять в кружевных черных стрингах и черных туфлях на шпильках.

— Чертовски сексуально, — стону я, останавливаясь перед ней, чтобы поцеловать ее губы, а затем шею.

Мои брюки все еще расстегнуты, и Оливия проникает внутрь, чтобы снова взять меня в руки.

— Боже, женщина, — я словно пластилин в ее руках. Что бы она ни хотела сделать, я в игре. Но я не могу позволить ей контролировать все. — На кровать, — рычу я, отстраняясь.

Оливия повинуется, скидывая туфли и ложась на кровать. На *нашу* кровать. Черт, к этому можно привыкнуть. Я должен нервничать из-за этого, из-за того, что эта женщина будет здесь, когда я проснусь, что это не обычная ночь. Если я облажаюсь, если после всего что-то изменится и станет странным, избежать Оливии будет невозможно.

Странно, однако, это не заставляет меня нервничать.

Этот сладкий, полный надежды взгляд синих глаз Оливии, с которым она наблюдает за мной. Она хочет испытать этот эротический опыт со мной, хочет испытать все удовольствие, которое я могу предложить ей. Но что, если эта встреча пройдет так, как и должна пройти, и все закончится беременностью? Что тогда? Готовы ли мы к ребенку? Готовы ли мы стать родителями? Будет ли она ненавидеть меня?

Но время для разговоров закончилось. Я упустил все шансы поговорить о наследнике; я расскажу ей все завтра. Потому что сейчас Оливия ждет меня, а я никогда не оставлял женщину неудовлетворенной.

Стараясь не думать о младенцах, я раздеваюсь и ложусь рядом с Оливией так, что мы оказываемся лицом друг к другу.

— Нервничаешь? — спрашиваю я, поглаживая ее щеку и пытаюсь вернуться в этот момент.

Она осторожно кивает.

— Это глупо, да? Ведь мы женаты.

— Ничто из того, что ты чувствуешь, не является глупым.

Она улыбается мне.

— Просто... прошло немало времени.

Я ласкаю ее плечи, не могу перестать прикасаться к ней. Она выглядит такой сексуальной, раскинувшись здесь лишь в одних стрингах, глядя на меня так, словно я ужасный большой волк, готовый съесть ее.

— Мы можем не торопиться, — бормочу я, целуя ее губы.

— Хорошо, — соглашается она, отвечая на мой поцелуй.

В залитой лунным светом комнате мы лежим рядом, наши руки и ноги переплетены, и целуемся в течение долгого времени. Мой язык исследует ее рот, и она соответствует моим стремительным темпам, встречая меня, облизывая и посасывая. Ее язык на вкус словно шампанское, и, черт, я постоянно отдергиваю себя от мысли о снятии ее трусиков. Вкуса прошлой ночи мне не хватило. Когда дело доходит до Оливии, ничего не может быть достаточно.

Разочарованный стон слетает с ее губ.

— Мы не должны идти настолько медленно.

— Нет? — смеюсь я. *Слава, черт возьми, Богу.* Я стягиваю ее трусики вниз и закидываю их за кровать. — Моя женщина.

Я придвигаюсь ближе и расставляю ее ноги в стороны. Затем провожу головкой члена по ее клитору, покрывая себя ее теплом и заставляя стонать.

— Так хорошо, Ной, — вскрикивает она, обхватывая меня бедрами и прижимаясь ближе.

— Нужно убедиться, что ты готова.

Я прижимаюсь лицом к ее шее, вдыхая знакомый запах, пока ввожу в нее один палец. Она теплая, и я не спеша ввожу еще один, прежде чем медленно вытащить.

Она прижимает ладошку к моей щеке, проводя по щетине. Оливия не отводит от меня взгляда, пока я ввожу пальцы.

— Я хочу тебя, Ной, — шепчет она, и когда я смотрю ей в глаза, то вижу, сколько мужества ей потребовалось, чтобы признаться в этом. Она так долго старалась быть сильной, решительной, что секс только усложнит наше деловое соглашение. Понятия не имею, что повлияло на ее мнение. Ладно, у меня есть догадка — это мог быть тот оргазм, который я подарил ей прошлой ночью. И еще много чего.

Просто сделай это.

— Я знаю детка. Скоро. Легко и приятно...

Я приподнимаюсь, дрожа от того, насколько теплым и мягким ощущается ее влажный вход на кончике моего члена. Погружаясь всего на пару сантиметров, я издаю стон. Ее тело сжимает меня так сильно, что это кажется совершенством.

Все внутри меня хочет наполнить ее своей спермой и смотреть, как она извивается, задыхаясь, отходя от множественных оргазмов, которые, знаю, я могу ей доставить. Вместо этого мой мозг кричит, чтобы я остановился. Сказал ей правду.

— Подожди, — говорит она, положив руку мне на грудь.

Я почти рад, когда она останавливает меня.

— Что-то не так?

— Разве нам не нужен презерватив? Я не на таблетках.

— Я...

Мое сердце колотится, голова кружится, и, мне кажется, я словно в бреду. Это последствия того, что я отчаянно чувствую ее вокруг себя, или потому, что не абстрагировался от обмана и опустошения, которое маячит впереди. Даже не знаю.

— Я не могу этого сделать, — произношу я.

— Что? Почему? — Оливия садится, глядя на меня в замешательстве.

Я отвожу взгляд в сторону.

— Просто не могу, — бессмысленно повторяю я, не в силах придумать что-то другое.

— Если речь идет о презервативах, я сбегаю в аптеку. Это займет десять минут. Максимум пятнадцать, — в ее голосе слышится беспокойство.

Я качаю головой.

— Прости. Мне неожиданно стало не по себе.

Это не совсем ложь; мой желудок, конечно, крутит. Я встаю с постели и поднимаю свои боксеры с пола, надевая их, и Оливия хмурится.

— Какого черта, Ной?

Я не отвечаю; просто хватаю подушку с кровати и направляюсь к дивану. Черт, это будет долгая ночь.

— Погоди, я правильно тебя понял? — говорит Стерлинг с полным ртом блинчиков. — Ты притворился, что у тебя болит голова, как старая домохозяйка, и не трахнул ее?

Я тыкаю вилкой в яйца, протыкая желтки, аппетит пропал. Конечно, вчера вечером я не был болен. Это было наваждение позора и сожаления.

— Я не мог этого сделать.

Стерлинг качает головой.

— Конечно, не мог. Тебе нужно перестать вести себя как пещерный человек и поговорить с ней о контракте. Для чего еще нужны слова? Я тебе это говорил еще на свадьбе, хочу напомнить, — он указывает на меня вилкой, акцентируя на этом внимание.

— Ага-ага. Заткнись, — я делаю глоток чая, пока Стерлинг продолжает есть. По крайней мере, хоть у одного из нас есть аппетит.

После бессонной ночи, проведенной на диване, я рано встал и попросил Стерлинга позавтракать со мной перед работой. Мы никогда не встречались так рано, но он практически прыгал от счастья. С самого начала он знал, что наш спланированный брак потерпит крушение, и я думаю, этот ублюдок просто хотел занять место в первом ряду.

— Даже не знаю, любит ли она детей, хочет ли она их, — рассуждаю я вслух.

— Да, это проблема.

Будь он проклят за то, что всегда является голосом разума. Благодаря ему, все мои головоломки выглядят простыми и очевидными.

И я начинаю понимать, что между мной и Оливией есть что-то большее, искра. Я не смогу обмануть женщину, особенно Оливию. Она не только средство для достижения цели. Между нами может быть что-то реальное, и я не готов упустить такую возможность.

Но все же... Судьба всей нашей компании стоит на кону. Как мне защитить и Оливию, и «Тейт и Кейн»? Как убедить ее?

Я бросаю немного денег на стол и встаю, не способный больше есть.

— Мне нужно в офис. Спасибо за беседу.

— В любое время, если тебе потребуется психолог, я здесь, — произносит Стерлинг, улыбаясь, прежде чем снова накинуться на блинчики.

Приехав на работу, я тут же направляюсь в место, где, уверен, Оливия не найдет меня.

— Привет, Росита, — говорю я и опускаю прилавок в почтовом отделении, присаживаясь.

— Я скучала, *любовь моя*, — говорит она, толкая тележку, заполненную посылками. Когда она приближается, то цокает себе под нос. Затем останавливается передо мной и проводит большим пальцем под моим глазом.

— Ты плохо выглядишь. Обычно у тебя не бывает темных кругов под глазами.

Я пожимаю плечами.

— Я не выспался.

— Ох? — она понимающе мне улыбается.

— Нет, ничего подобного, — думаю, нужно дополнить свое заявление предисловием; в противном случае люди, вероятно, подумают, что я занимался любовью со своей краснеющей невестой. В конце концов, мы новобрачные. — Я спал на диване прошлой ночью.

Она мгновенно мрачнеет и, нахмурившись, гладит меня по щеке. Затем опускается на стул напротив меня.

— Расскажи маме Росите об этом.

— У нас с Оливией все хорошо... Просто немного сложно.

— Сложно? — Росита приподнимает брови.

— Как ты поняла, что хочешь детей?

Судя по ее удивленному выражению лица, это явно не то, что она ожидала услышать.

— Не знаю. Полагаю, я всегда знала это еще с детства, и хотела быть матерью.

Я киваю. В этом есть смысл. Думаю, женщины просто знают об этом. У них есть материнский инстинкт, как и тикающие биологические часы. Только не знаю, чувствует ли это Оливия.

— Ты хочешь детей? В этом проблема? — спрашивает Росита своим спокойным, но уверенным голосом.

Я всегда *хотел* по крайней мере одного ребенка, надеюсь, двух. Но в этой ситуации не важно то, чего мы хотим. Наши всезнающие отцы лучше понимали, что нам надо создать семью, чтобы возглавить их огромную корпорацию, и теперь я ощущаю всю тяжесть давления, что должен засунуть свой батон в духовку Оливии как можно скорее.

Но, действительно ли Росите нужна вся эта информация?

Решая сохранить этот разговор максимально простым, я просто отвечаю:

— Да. Но я не знаю, что думает Оливия на этот счет.

Росита тепло улыбается мне и поднимается, чтобы погладить мою руку.

— У тебя много времени. Чернила едва высохли на вашем свидетельстве о браке. Живите для себя. Ведь как только появятся дети, вы уже не сможете вернуться обратно. Это время драгоценно.

Отлично... Еще одна причина, почему все в моей жизни катится к чертям. Совсем не это я хотел услышать сейчас. Но Росита этого не знает, поэтому я киваю и улыбаюсь ей, как будто ее мудрый совет помог мне.

— Спасибо за разговор, Росита. Я лучше вернусь к работе.

— Обращайся, — отвечает она мне.

Теперь мне просто нужно выяснить, что, черт возьми, делать.

Глава 8

Оливия

Что, черт возьми, случилось прошлой ночью? Я так упорно старалась настроить себя на секс, но именно *Ной* струсил? Невероятно. Мужчина не может флиртовать со мной или хвастаться тем, как прекрасен в постели, а затем, когда пришло время доказать свои слова действиями... просто взять и отступить.

И я даже не могу спросить Ноя почему, потому что могу его *найти*. Я проснулась в пустой кровати, не найдя и следа своего мужа в квартире. Придя на работу, я не обнаружила его в своем кабинете.

Весь чертов день я пытаюсь поймать его. Он не отвечает ни на мои звонки, ни на сообщения, ни на электронные письма, а его секретарь постоянно повторяет: «Вот незадача, вы с ним разминулись» каждый раз, когда я останавливаюсь у ее стола.

Неужели это действительно невезение? На самом ли деле его забитое до отказа расписание всего лишь досадное совпадение? Или... он избегает меня нарочно?

Я пытаюсь заглушить голос в моей голове, который шепчет: *«Он изменил свое мнение о тебе. Он, наконец, опомнился и понял, какой огромной ошибкой являются эти отношения. Он жалеет обо всем. Не хочет прикасаться к тебе и даже разговаривать»*. Этот язвительный шепот напоминает голос Брэда, с которым теперь все кончено.

Но, Боже, я до сих пор нахожусь в замешательстве и расстроена. Я была настроена противостоять своим бзикам по поводу секса, но наш любовный поединок был отменен в последнюю секунду.

Черт возьми, я не позволю своим эмоциональным усилиям пропасть даром. Я наберусь храбрости и займусь сексом, даже если это последнее, что я сделаю. Но сначала нужно выяснить, почему вчера вечером Ной внезапно сбежал. И если не смогу выследить этого изворотливого сукиного сына на работе, то сегодня вечером просто загоню его в угол. Он ведь когда-нибудь должен прийти домой, верно?

Когда я складываю лист офисной бумаги в куклу вуду, готовясь многократно нанести удар в промежность, ко мне в кабинет заходит Камрин.

— Эй, что случилось? — спрашиваю я, пока она садится в кресло перед моим столом.

— Ничего, — она пожимает плечами. — Просто хотела узнать, не хочешь ли ты пораньше пойти на обед.

Я смотрю на часы и вижу, что сейчас лишь половина одиннадцатого, но да, выбраться из этого здания и заглушить вырывающуюся на волю ярость, кипящую в моих венах, именно то, что мне нужно.

— Сейчас я бы съела собачье дерьмо, если бы у меня был хотя бы лишний час, чтобы побыть с тобой.

Вся веселость Камрин улетучивается.

— Ну, я не очень люблю собачье дерьмо, так что, почему бы тебе не рассказать мне, что случилось, милая?

Я вздыхаю и поднимаюсь на ноги.

— Расскажу все за обедом.

И я рассказываю. За наггетсами и картофелем фри (ничто не сможет так поддержать разговор, как утешительная еда, приготовленная во фритюре и подаваемая с щедрым количеством соуса «Ранчо», я все выкладываю на стол. Весь свой багаж. Всю боль, обиду и сомнения, которые терзали меня с прошлой ночи после того, как Ной ушел. (Примеч.:

Соус «Ранчо» или фермерский соус состоит из майонеза, сметаны, пахты, чеснока, зеленого лука и проч. приправ).

— Он убедил меня в том, что я желанна, ухаживал за мной, показал себя с самой лучшей, очаровательной стороны, а потом бац! Ничего.

Я облизываю пальцы и делаю большой глоток содовой, чтобы запить свой обед.

— Вот идиот, — ворчит Камрин, кивая в знак согласия.

— Он спал на диване и ушел до того, как я встала утром, так что, очевидно, он избегает меня, словно знает, что сделал что-то не так, — я замираю, соломинка застывает на полпути к моим губам.

— Что? — спрашивает Камрин.

— Или я сделала что-то неправильно.

В ответ я получаю растерянное выражение лица.

— Думаешь?

Я пожимаю плечами.

— Может, не стоило говорить ему, что в последний раз занималась сексом давным-давно.

— Ной не такой. Его это не волнует.

Камрин права. Я прокручиваю вчерашний вечер в голове. Ужин. Шампанское. Танцы. Флирт. Смех. Объятия.

— Может, я была слишком агрессивной. Я засунула свою руку к нему в штаны сразу после того, как закрылась дверь, — я зарываюсь руками в волосы, вспоминая, как вела себя тогда, представ перед ним во всей своей похотливой красе. — Замок еще не успел щелкнуть, а я уже взялась за работу. И сделала ему минет в чертовом коридоре.

— Это горячо, — комментирует она, продолжая есть. — Какой парень не хочет, чтобы ему сделали минет в коридоре?

Не знаю. Видимо, Ной. Но он, можно сказать, умолял меня об этом... Я хмурюсь, не зная, почему мои действия прошлой ночью заставили его отстраниться.

Она наклоняется ко мне, ее глаза полны жалости.

— Милая, ты можешь сосать его член в любом месте, в любое время, и это нормально. Даже правильно.

Хуже всего то, что теперь во мне поселилось семя сомнения. *Что со мной не так? Почему я недостаточно хороша?*

— Что произошло дальше? — спрашивает она.

— Он отвел меня в спальню и раздел. Мы целовались, — Боже, целовались. Этот мужчина творит нечто невероятное своим языком. — А потом он потерял свою... *анаконду...* о мой... *горшочек для меда*, и я сказала что-то о презервативе.

— Хм-м, — она кажется такой же озадаченной, какой я себя чувствую. — Пожалуйста, скажи, что ты только что не использовала выражение «горшочек для меда»?

Качая головой, я продолжаю:

— Нет. Но, может, это все из-за меня. Может, мое влагалище настолько уродливо?

Парень, сидящий рядом с нами, поворачивает голову в мою сторону так быстро, что я удивляюсь, как он не получил травму.

Камрин гладит мою руку.

— Нет, с твоей вагиной все в порядке. Я уверена.

— Тогда почему, Кам? Почему? Зачем он это сделал? Потому что я не верю, что всего за секунду он мог внезапно заболеть.

Она качает головой.

— Нет, я тоже не знаю, — она опускает вилку на стол рядом с тарелкой салата. — Ты, правда, хочешь знать, что я думаю?

В животе образуется узел, но я киваю.

Она вытирает рот салфеткой и наклоняется вперед.

— Думаю, Ной был потрясен, ведь с ним раньше не происходило ничего подобного. Это не случайный секс или секс по телефону, после которого он утром сможет уйти. Нравится тебе это или нет, секс между вами будет что-то значить.

Я хмурюсь и прикусываю губу.

— В каком смысле?

— Вы теперь супружеская пара.

Я закатываю глаза.

— Это деловое соглашение. Брак по договоренности. И я предложила быть друзьями по сексу, так как мы вынуждены быть вместе. Это не романтичный «пока смерть не разлучит нас» брак.

Камрин складывает свои ладони вместе.

— Я хочу сказать, что секс для мужчины — это не только физический акт, как мы иногда считаем. Думаю, то, что спугнуло Ноя — возникло у него в голове.

— Это смешно.

Но так ли это? Разве это не то же самое, из-за чего беспокоилась я? Из-за того, что мы в первый раз будем испытывать удовольствие вместе?

— Смешно это или нет, но я хочу, чтобы ты знала, что его уход не имеет ничего общего с тобой, а связан с тем, что что-то происходит в его голове.

— Так и что мне теперь делать?

Она нахально усмехается.

— Все зависит от тебя. Ты все еще хочешь с ним переспать?

Глупый вопрос. Значение числа $\pi \approx 3,14$? У моего мужа огромная *колбаска*? Ответ «да» на все вышеперечисленное.

— Больше всего на свете, — усмехаюсь я, глядя на нее, делая такое же выражение лица.

Камрин смеется.

— Ладно, тогда вот что ты должна сделать...

Позже, вернувшись в офис, я погружаюсь в работу, пока не поднимаю голову вверх. Неужели мимо моего окна только что прошел Ной? Я вскакиваю со стула и выглядываю из-за дверного проема. *Да... Я узнала бы эту задницу где угодно.* Он заворачивает за угол, и я следую за ним, сохраняя дистанцию. Настало время бросить ему вызов, как и предложила Камрин.

Когда я добираюсь до кабинета Ноя, дверь оказывается закрыта и заперта. Но свет горит, и я вижу силуэт его головы сквозь матовое стекло. Не похоже, что он разговаривает по телефону или у него личная встреча с кем-то.

Я трижды громко стучу.

— Эй, Ной.

Ответа нет. Так он упрямится. Но ничего, я тоже могу быть упрямой. Я снова стучу и произношу:

— Я знаю, что ты там. Мне нужно поговорить с тобой.

Дверь распахивается. Ной выглядит раздраженным. Ну, хорошо, теперь нас таких двое.

— Надеюсь, твоё рвение обусловлено пожаром, — огрызается он.

Я твердо смотрю на него.

— Извини, но нет. И мы должны поговорить наедине.

Он сжимает губы в линию, но отходит в сторону, позволяя мне пройти в его кабинет. Я закрываю за собой дверь и поворачиваюсь к нему лицом.

— Итак... Речь пойдет о прошлой ночи. Объясни мне, что случилось?

Он скрещивает руки на груди.

— Разве тебя там не было? Ты уже все знаешь.

— Нет, я действительно не знаю.

Выпрямив спину — я не могу соответствовать его росту, но все же попробую — я кладу руки на бедра.

— Свидание, танцы, ухаживания... А затем твой побег.

— Я же сказал, что почувствовал себя плохо.

— Правда? Потому что сейчас ты не выглядишь больным, — и если вчера он *был* болен, то зачем спать на диване? Нет. Я не куплюсь на это.

Ной разводит руками.

— Может, это было из-за того, что я съел что-то на ужин. Может, у меня внезапно разболелась голова. Что за чертов допрос с пристрастием?

Затем он опускает взгляд. Лишь на секунду, но я замечаю это и понимаю, что это лишь уклончивый маневр. Поэтому продолжаю.

— На самом деле было похоже на то, что ты боишься секса.

Он моргает, открывает рот, а потом начинает смеяться.

— Что? Мы все еще говорим обо мне, да? Я ведь уложил в постель... как ты там говорила? Чертову половину Нью-Йорка?

— Но я не твое обычное завоевание. Я *твоя жена*. Поправь меня, если ошибаюсь, но твой стиль больше похож на «поматросил и бросил», чем «пока смерть не разлучит нас», — я замолкаю и приподнимаю брови, делая акцент на следующих словах. — Прошлой ночью я не хотела быть просто случайным перепихом, после которого ты забыл бы мое имя спустя пять минут. По-моему, ты передумал потому, что был обеспокоен тем, что секс изменит отношения между нами. Ты боялся, что можешь что-то почувствовать ко мне.

На мгновение он просто смотрит на меня взглядом, который я не могу прочесть. Противоречивый, почти горестный, но в то же время, кажется, ему... стало легче?

Когда Ной, наконец, отвечает, его голос звучит намного спокойнее.

— Что за бред. Ты слишком много принимаешь близко к сердцу. Я тебе уже сказал, почему остановился прошлой ночью, так что хватит придумывать безумные истории.

Я моргаю, удивляясь, насколько сильно его слова жалют. *Мысль о том, что он может полюбить меня кажется ему... бредом?*

Но какое мне дело? Я не люблю его. Романтика никогда не была частью этого брака, как и наших экспериментов в спальне. Так почему же его яростное отрицание причиняет мне... боль? Я просто пыталась заставить его признать, что мы с Камрин были правы в том, что секс между нами может перерасти в нечто большее, но это не так. Мы можем держать его в рамках.

Скрыв приступ боли, я бодро отвечаю:

— Ну, если ты чувствуешь себя лучше, тогда давай перенесем секс на вечер. Я уже купила несколько презервативов в аптеке этим утром по пути сюда, — я внимательно наблюдаю за выражением его лица. — Есть какие-нибудь возражения?

Он хмурится, но говорит:

— Звучит отлично.

— Великолепно. Увидимся дома, — я открываю дверь и ухожу, направляясь в свой кабинет. Надеюсь, смогу снова работать, наконец, разобравшись со своей личной жизнью.

Глава 9

Ной

Сегодняшний разговор с Оливией до сих пор звучит в моих ушах, когда я возвращаюсь домой в пятом часу вечера. Я ушел с последней встречи, попросив свою помощницу прикрыть меня, потому что знаю, что Оливия ждет секса. Как и знаю то, что нужно найти способ рассказать ей обо всем. О договоре. О ребенке, которого мы, как предполагается, должны зачать.

Она считает, что я боюсь заниматься сексом, потому что могу почувствовать что-то к ней. Но она ошибается. Я уже испытываю к ней чувства. Так было всегда.

Она была непреклонна. *Сегодня вечером. Секс. Точка.* Даже купила несколько презервативов. Какого черта мне теперь делать? Притворяться, что у меня аллергия на латекс? Ни в коем случае, она не купится на это. Какая глупая идея. Даже не могу поверить, что подумал об этом. Я так ошеломлен, так паникую, что мне в голову лезут разные бредовые мысли.

Я снимаю ботинки и ставлю их на полку в гардеробе. Ослабив галстук, захожу в ванную и смотрю на свое отражение.

Когда я подписывал эти бумаги, все казалось правильным. Спасти компанию? *Конечно.* Переспать с женщиной, о которой всегда мечтал? *Естественно.* Зачать ребенка? Нет проблем, верно? Но теперь, когда все это случилось, когда все стало таким *реальным*, я теряю хватку, черт подери. Теряю хватку.

Прошла только неделя с тех пор, как мы поженились, а я уже худший муж в мире. Росита была права насчет темных кругов под глазами. Я выгляжу, как дьявол. Я плескаю холодную воду на щеки, надеясь, что это поможет. Не тут то было. Я все еще выгляжу растерянным, уставшим и испуганным.

Ну и плевать. Я расправляю плечи. Это не про меня. Я не какой-нибудь малодушный маленький мальчик, который боится заботиться о своей женщине. Дело именно в этом, не так ли? У Оливии есть потребности. И я, как предполагается, должен быть тем, кто удовлетворит их.

Есть два варианта развития событий. Я могу признаться во всем, рассказать Оливии про пункт о наследнике, показать строчки в договоре, которые она упустила. Или... могу держать свой гребанный рот на замке и заняться тем, чего хочет она. Сексом без обязательств.

Мы только начали ладить. Она только начала доверять мне. Если я трахну ее сегодня вечером, и это доставит ей наслаждение — в чем у меня нет сомнений — это станет большим шагом к приближению нас к полноценной паре. И разве это не то, что нам нужно, если мы действительно захотим стать родителями? Думаю, Росита пыталась сегодня сказать, что нам с Оливией нужно наслаждаться моментом. В конце концов, у нас медовый месяц. О ребенке можно подумать и позже. После того, как наши отношения окрепнут настолько, что разговор о наследнике не станет для нас крахом.

Если безопасный секс — это то, чего она хочет, я сделаю это. Если воспротивлюсь, вызову подозрения. Какой у меня выбор? Единственное, что могу сейчас сделать, это найти побольше времени, чтобы подумать. Мне просто нужно заткнуться и выполнять супружеский долг, пока я не смогу найти способ получше, чтобы затронуть тему детей.

Взглянув последний раз в зеркало, я делаю глубокий вдох. *Просто смирись с этим, чувак.* Это может быть полезно для нас обоих. Это может быть началом чего-то настоящего. Сейчас моя жена хочет быть друзьями по сексу, и я уверен, что, черт возьми, не упущу *такую* возможность.

Я направляюсь на кухню и начинаю доставать ингредиенты из холодильника, чтобы приготовить ужин. Не знаю, как сделать много блюд, но есть несколько, которым обучила меня мама и которые я запомнил.

Теперь, когда я нахожусь на кухне в компании с раздающимся из сотейника мягким шипением, мой обман не кажется катастрофой, как я ожидал. Я не трус, я на самом деле не лгу. Я просто обдумываю ситуацию и жду подходящего момента, чтобы поговорить на такую чувствительную тему.

Я старательно измельчаю и нарезаю продукты, пока жду возвращения жены с работы. Все это кажется таким нормальным, таким обыденным.

Мой телефон издает звон, извещая о входящем сообщении от Оливии.

Оливия: Еду домой. План все еще в силе? Ведь мы будем трахаться. Не так ли, мистер Тейт?

Пока читаю ее пошлые слова, меня пронзают острые ощущения. С участившимся сердцебиением, я отвечаю.

Ной: Абсолютно. Я полностью согласен с тобой.

Оливия: Пришло время подтвердить слова делом или заткнуться. Время придерживаться плана. И из того, что я могу сказать, это огромный план. ;)

Ной: До скорой встречи, женушка.

Я усмехаюсь и откладываю телефон, чтобы закончить ужин.

Какого черта я волнуюсь?

Будет весело.

Глава 10

Оливия

Когда захожу домой, меня приветствует запах рыбы, лимона и свежей зелени. Зайдя в квартиру, я глубоко вдыхаю его, отчего мой желудок урчит. Я быстро снимаю рабочие туфли и заглядываю на кухню.

Я вхожу как раз вовремя, чтобы увидеть, как Ной наклоняется к плите, вытаскивая из духовки запеченное филе лосося и спаржу. Когда он поворачивается на звук моих шагов, я пытаюсь притвориться, что пялюсь на еду, а не на его задницу.

— Эй, Снежинка, ты как раз вовремя.

— Выглядит потрясающе, — восклицаю я, имея в виду ужин. — Не знала, что ты умеешь готовить.

Усмехаясь, Ной ставит полную сковороду на кухонный стол и поворачивается, чтобы достать тарелки из шкафа.

— Не хвали, пока не попробуешь. Запекать рыбу я научился от мамы, а вот овощи и рис — из интернета, — он указывает на стеклянное блюдо, полное дымящегося плова, который я не заметила раньше.

— Что ж, выглядит потрясающе, — произношу я, и сразу вспоминаю, что уже говорила это. Черт. Кажется, я немного волнуюсь. Я хочу этого, правда, хочу... но все равно нервничаю.

И мои бабочки начинают порхать еще быстрее от того, что Ной поглядывает на меня с улыбкой Чеширского кота, полной греховных обещаний.

— Я подумал, мы должны расслабиться до того, как приступим к... — он замолкает.

Мысленно я начинаю прокручивать дальнейшие события, обещающие произойти этой ночью. Мой желудок переворачивается от мыслей об этом, и, почти не осознавая, я облизываю свои губы. А затем просто отвожу от Ноя взгляд.

— Я, хм, принесу выпить, — бормочу я, проходя мимо него с бóльшим шумом, чем это необходимо.

Я нахожу в холодильнике бутылку «Шардоне», наполняю два бокала и беру столовое серебро, пока Ной накладывает еду на тарелки. Как только стол накрыт и мы приступаем к блюдам... из меня вырывается тихий стон удовольствия.

Наш ужин так же восхитителен, как выглядит и пахнет. Филе лосося и свежая спаржа, нежная и слегка приправленная солью, перцем и оливковым маслом. Рис, заправленный лимонным соком и приправами из трав, прекрасно дополняет блюдо пьянящим ароматом.

— Я так понимаю, я заслужил твое одобрение, — дразнит Ной. — Надеюсь, что снова смогу услышать этот звук позже вечером.

Я слегка краснею, но я в слишком хорошем настроении, чтобы сказать ему заткнуться. Тем не менее, я могу смириться с подразниваниями.

— Так что было со всей твоей ложной скромностью раньше? «О, моя сексуальная энергия терпит фиаско, давай отложим это на следующий раз...».

Он смеется.

— Я никогда так не говорил. К твоему сведению, я *люблю* готовить, просто не трачу на это время. И пока я мало освоил рецептов. Настоящий мужчина признает свои недостатки.

— Очевидно, настоящий мужчина также говорит о себе в третьем лице, — усмехаюсь я. — Значит, ты чувствуешь себя нормально? Точно не болен? — добавляю я серьезным тоном.

На самом деле мне хочется знать: *готов ли он к сексу?* С большой буквы «С». И, возможно, я также должна извиниться за то, что вела себя сегодня как сучка, тоже с большой буквы «С».

Он замолкает, а потом утвердительно кивает.

— Точно. Так что я все еще согласен перейти к следующему шагу, если не возражаешь.

Его улыбка немного дрогнула, или мне просто это показалось? Я делаю глоток вина, чтобы прервать свои размышления. Сегодня вечер для тела, а не для мыслей. *Если он говорит, что готов...* Я отгоняю бабочек в животе, вновь пробуя сочного лосося.

Когда наши тарелки пустеют, Ной спрашивает:

— Как насчет еще одного бокала вина?

Кажется, мы не прыгаем прямо в постель. Я разрываюсь между облегчением и нетерпением.

— Конечно, звучит превосходно, — отвечаю я.

Мы наполняем наши бокалы и переходим в гостиную. Но, когда садимся на диван, Ной не прикасается к своему бокалу. Он ставит его на журнальный столик и кладет свою руку на мою. Я поднимаю взгляд, чтобы увидеть, как выражение его лица приобретает хищный характер.

И в этот момент все меняется. Интимная атмосфера заполняет пространство между нами, и все вокруг темнеет и меркнет, будто перед грозой.

— Я когда-нибудь говорил тебе, как сексуально ты выглядишь в деловом костюме? — мурлычет он. — Вообще-то, ты сексуальна во всем... и я уверен, что будешь выглядеть еще лучше без ничего, — он похотливо улыбается. — Скоро мы это узнаем. Во всяком случае, как я уже говорил, эта одежда так благопристойна, что наблюдение за тобой на работе вызывает во мне... массу идей.

Черт, этот голос должен быть запрещен законом. Сглотнув, я опускаю бокал, прежде чем успеваю пролить вино по всему ковру.

— Н-например?

— Например, я на коленях под столом, мое лицо скрыто между твоих ног, я делаю все возможное, чтобы отвлечь тебя, пока ты отвечаешь на важный телефонный звонок, — пальцем он скользит по моей руке, следуя по пути его языка в его фантазиях. — И тогда, когда та заканчиваешь разговор, так и не раскрыв нас, ты получаешь свою награду. Я поднимаю тебя и трахаю на столе. Юбка поднята до бедер, трусики отодвинуты, блузка расстегнута, поэтому я могу чувствовать твою сочную грудь, прижатую к моей...

У меня нет слов. Лицо горит, и я, наверное, такая же красная, как помидор.

Ной продолжает:

— Люди говорят, что сила привлекает лишь женщин. Чушь. Мужчин тоже... просто большинство из них боятся сильных женщин. Но не я, — он крепче сжимает мою руку и тянет ее вниз, прикладывая к большой твердой выпуклости, показывая мне, насколько верны его слова. — Не сомневайся, Снежинка, сегодня я не собираюсь останавливаться, пока ты не будешь удовлетворена.

Мой ответ превращается в стон, когда он целует меня.

Он кладет свою руку мне на затылок, пальцами зарываясь в мои волосы, крепко сжимая, направляя меня туда, куда он хочет. Куда мы оба хотим. Другой рукой ласкает меня, поглаживая длинную линию от моего подбородка вниз по шее и обратно. Медленная, настойчивая ласка, предназначенная для того, чтобы расслабить меня, открыть для его прикосновений. И это работает. Вскоре я растворяюсь в нем.

Словно почувствовав, что я готова, Ной опускает руку ниже, чтобы расстегнуть мою блузку, одну пуговицу за другой. Темп настолько нетороплив, что я чуть не начинаю извиваться. Не желая, чтобы он прерывал наш поцелуй, даже просто делал паузу, чтобы раздеть меня, я сама скидываю с себя блузку. Я чувствую, как его губы изгибаются в небольшой самодовольной улыбке.

Его прикосновения переходят от успокаивающих к возбуждающим, дразня чувствительное местечко под моим ухом, поглаживая мою спину от шеи к пояснице. Мое дыхание прерывается каждый раз, когда его пальцы касаются застежки бюстгальтера, и я

задаюсь вопросом, расстегнет ли он ее *сейчас*. Но только когда я выгибаюсь напротив него, он, наконец, делает это.

Одним ловким движением пальцев застёжка расстегнута. Мои щеки горят, и я подавляю в себе крошечный писк удивления. *Господи... Я знаю, что он много практиковался с раздеванием женщин, но даже я не могу снять бюстгальтер одной рукой.*

Ной отстраняется от меня, стягивая лямки бюстгальтера вниз по моим плечам, упиваясь видом моей груди, тем, как она медленно предстает перед его взором. Я дрожу, чувствуя его взгляд на себе, словно это физическая ласка. Я до сих пор в юбке и колготках, но от голодного, пристального взгляда Ноя чувствую себя обнаженной. Только не уязвимой и слабой, а будто он видит меня настоящую, неприкрытую, и я самое прекрасное, что он когда-либо видел. Единственная женщина в его мире.

С благоговением Ной наклоняет голову, чтобы поцеловать мой сосок. Я резко втягиваю воздух. Даже это легкое прикосновение проходит сквозь меня, словно удар током. Воодушевленный, он целует его снова, на этот раз влажно, скользя губами по возбужденному бутону и стреляя искрами прямо к моему клитору. Я издаю мягкий, хриплый стон, когда Ной начинает сосать и облизывать соски, переходя с одной груди на другую, поочередно сжимая их своей большой ладонью и щипая.

— Подожди, тайм-аут, — задыхаюсь я. — Ты до сих пор... в рубашке... это несправедливо... — чертовски сложно соединять слова в предложения под таким натиском.

Ухмыляясь, Ной отстраняется. Я пользуюсь моментом, чтобы отдышаться, пока он стягивает через голову рубашку и бросает ее на пол рядом со мной.

— Хочешь перейти в спальню? — спрашивает он.

Я решительно киваю, радуясь, что он сэкономил мои силы, сказав это вслух. Я хочу его так сильно, что все мое тело дрожит.

Он берет меня за руку и ведет по коридору. Затем садится на кровать, располагая меня между своих ног, и наклоняется вперед, чтобы обернуть свои руки вокруг моей талии. Ной расстегивает мою юбку-карандаш, а ртом вновь начинает терзать мою грудь. Мне тяжело дышать, и я хватаюсь за его плечи, чтобы удержать равновесие.

Наконец, черная саржевая ткань спадает лужицей на пол, и я переступаю через нее, попадая в его объятия. Эрекция Ноя упирается мне в бедро. Осмелев, я толкаю колени вперед, чтобы потереться об него, и получаю вознаграждение в виде стонов. Затем настает мой черед стонать, когда Ной решительно касается моей промежности.

— Черт возьми, — рычит он, — Снежинка, ты такая мокрая, что твои трусики промокли насквозь. Я мог бы взять тебя прямо сейчас.

Вдруг я оказываюсь прижатой спиной к кровати, а Ной нависает надо мной.

— Но не буду, — продолжает он. — Потому что мы оба знаем, что будет сегодня. Традиционный секс.

Одним пальцем Ной проводит по моей ключице, между грудями и далее вниз по моему телу, оставляя мурашки. Я прикусываю губу, когда его палец через влажную ткань трусиков касается моей киски.

Он хищно улыбается.

— Но сначала нужно сделать тебя покладистой и влажной.

И с этими словами, прежде чем я могу что-либо произнести, Ной срывает с меня трусики и опускается вниз. Из моего горла вырывается дикий вопль. Языком он проводит по опухшему клитору, и я едва могу дышать, не говоря уже о том, чтобы молчать. Боже, парень делает куни так, словно умирает от жажды. Его длинный, толстый палец вонзается внутрь меня, поворачивается, и, *святое Боже, сделай это снова!* Я цепляюсь пальцами за его волосы, прижимая лицо к своей киске, пока он не начнет задыхаться, но мне наплевать, я не могу остановиться, это слишком, и мои мышцы сами по себе начинают сжиматься.

Ной вынимает палец только затем, чтобы потом войти двумя. Маленькие отчаянные стоны вырываются из меня, когда Ной лижет мой клитор, погружая указательный и средний пальцы глубоко внутрь меня. Я на самом деле дрожу, и это происходит не только от сильного ощущения. Я знаю, почему он прилагает столько усилий, чтобы подготовить меня. Я уже видела его огромный член, и прошло уже много времени с тех пор, как что-то было внутри меня. Поэтому мне понадобится вся смазка и растяжка, которые я могу получить.

От волнения по позвоночнику пробегает дрожь, увеличиваясь в десятикратном размере. Мой желудок сжимается от предвкушения. Я настолько готова к этому, для *него*, что чувствую, как горю. Задышавшись, я дрожу и сжимаюсь вокруг его пальцев. *Еще чуть-чуть, почти...*

Пока сукин сын не отступает.

— Еще рано, — подразнивает он.

Я почти с осуждением смотрю на него. Но знаю, что будет дальше, и хочу, чтобы он оказался у меня внутри. Я киваю и смотрю на него в безмолвном согласии, и тогда он быстро снимает с себя штаны и боксеры, затем берет презерватив из ящика прикроватной тумбочки и вскрывает упаковку.

Подождите-ка, что-то тут не так. Я пытаюсь собрать свои затуманенные похотью мысли. У него все-таки были презервативы прошлой ночью? Тогда почему он остановился, когда я упомянула о них? И зачем мне тогда нужно было заходить в аптеку?

Но эти мысли улетучиваются, когда он начинает поглаживать свой член. У меня захватывает дух. Он такой толстый, и у меня так давно был секс, что даже первые пару сантиметров уже приносят дискомфорт.

— Подожди, — задышавшись, произношу я, и он тут же замирает.

— Ты в порядке?

— Д-да, — отвечаю я. — Продолжай. Просто... помедленней, — я ни в коем случае не хочу, чтобы он сейчас останавливался. Меня не волнует, откуда появились презервативы, пока мы можем просто *трахаться*.

Потихоньку он начинает двигаться во мне, останавливаясь, когда я напрягаюсь.

— Хорошая девочка. Ты чувствуешь себя как хорошо, — бормочет он.

Его голос напряжен. Я уверена, это от того, что он сдерживает себя. Он выглядит невероятно сексуально, нависая надо мной, с приоткрытыми губами и этими венами, выступающими на его напряженных предплечьях.

Когда я чувствую, что больше не могу его вбирать в себя, он, наконец, входит полностью. Я уже влажная от пота. Чувство полноты захватывает дух, растяжение слегка горит, что балансирует на грани между удовольствием и болью.

Ной начинает отстраняться, а затем вновь скользит в меня, так же медленно, как и раньше. Но сейчас я готова к настоящему сексу. Я упираюсь пятками в его ягодицы, побуждая его к продолжению.

Его глаза вспыхивают.

— О, ты хочешь этого?

Я стону в ответ, потому что обличить мысли в слова, когда он так глубоко внутри меня, просто невозможно.

— Ты готова? — он медленно выходит, почти полностью, затем резко двигает бедрами вперед.

С моих губ срывается вскрик. Он выходит и скользит обратно, снова и снова, наконец, трахая меня. Блаженство проходит сквозь меня с каждым резким толчком, волна идет одна за другой, удерживая меня на плаву, не давая утонуть, переполняя меня. У меня кружится голова от удовольствия. Эмоции настолько яркие, что я не могу думать, дышать или что-либо делать, кроме как хныкать.

— Черт, детка, ты потрясающе, — стонет Ной. — Я так долго этого ждал. Я каждую ночь дрочил, думая о тебе... Хотел вонзиться в тебя своим членом, заставить выкрикивать мое имя. Ты заставила меня чертовски помучиться.

Его голос звучит напряженно. Я чувствую волнение от мысли, что заставила его вести себя так дико, что он потерял над собой контроль. Ной Тейт, мужчина, который может заполучить любую женщину, вынужден был ждать меня.

Он впиивается в меня своими губами, его язык ищет мой. Мы меняем позицию, и теперь он поднимает мои ноги вверх, и его таз задевает мой клитор с каждым движением. Я отчаянно стону. Волны экстаза поднимаются все выше и выше...

Пока не достигают пика и не обрушиваются, пронзая меня.

— Ной! — выкрикиваю я, дрожа в его объятиях.

— Черт, я чувствую, как ты сжимаешься... Так плотно, так хорошо, я...

Его хриплый голос перерастает в непонятное рычание, в страстный, первобытный звук чистого удовольствия. Он делает еще несколько жестких толчков, содрогаясь во мне, пока его бедра не замедляются и, наконец, останавливаются.

В течение нескольких минут мы просто цепляемся друг за друга, задыхаясь, смакуя последние волны блаженства, пока спускаемся с небес. Не знаю даже, смогу ли я встать, если захочу. Теперь я понимаю, что имеют в виду женщины, когда говорят, что побывали на небесах.

Я задыхаюсь, когда Ной успокаивается. Он встает, чтобы выбросить презерватив в мусорку, а затем ложится рядом со мной. Он кладет голову на руку, приподнимаясь на локте, чтобы взглянуть на меня.

— Так... что ты думаешь?

Ой, да ладно. Он же не ожидает, что после всего этого я буду говорить связно, не говоря уже о проклятом обзоре для Yelp. (*Примеч.: Yelp — американский веб-сайт с обзорами и рейтингами на различные организации и виды услуг*).

— Хорошо, — бормочу я. Это все, что я могу произнести. Но, думаю, это менее смущающе, чем «*одиннадцать из десяти*» или «*я не чувствую своих ног*».

Я больше чувствую, чем слышу, как он смеется. Он протягивает руку и переплетает наши пальцы. Поднимая мою руку к своим губам, он оставляет на ней нежный поцелуй, затем опускает ее, перекидывая за свое тело.

В его объятиях так безопасно, я лежу, обмякшая, измученная, залитая теплым золотым светом удовлетворения. Я, наконец, сделала это. Трахнула Ноя Тейта, и это была одна из лучших идей, которая когда-либо у меня возникала. Я знала, что этот секс будет намного лучше, чем мой прошлый опыт, иначе люди бы не говорили об этом так, как говорят, но я никогда не думала, что это может быть так приятно. Это не сравнить даже с моими подростковыми фантазиями.

Я решаю, что мой скучный, болезненный опыт с Брэдом вообще не надо брать в расчет. Сегодня вечером был мой *настоящий* первый раз. Передо мной открылся новый мир удовольствий, и я намерена изучить его в полной мере.

Огромный зевок прерывает мои мысли. *Фух... сразу после того, как я немного отдохну.*

Я прижимаюсь к Ною и кладу голову на его бицепс. Вместе мы уносимся в сон.

Глава 11

Ной

Наблюдать за тем, как Оливия ставит этого заносчивого мудака на место, волнующе.

Это обычное совещание с председателем правления, отцом Оливии, Фредом, советником моего покойного отца, Прескоттом, и руководителями отделов по маркетингу, финансам и кадров в пятницу утром. Оливия только что закончила объяснять свой план на предстоящий квартал и финансовый руководитель, старпер по имени Питер, которого мы должны были уволить еще в прошлом десятилетии, совершил фатальную ошибку, слишком решительно поставив под сомнение ее опыт.

— Питер, я ценю вашу заинтересованность к данной теме, — голос Оливии уверенный и ровный, гораздо спокойнее, чем был бы у меня, окажись я на ее месте. — Но с тех пор, как мы с Ноем заняли посты гендиректоров, производительность этой компании неуклонно росла.

Питер слишком шумно ерзает в кресле, что, как мне кажется, является проявлением неуважения.

Я хмуро смотрю на него. *Эй, пошел к черту, приятель.*

Не знаю, почему это сейчас происходит со мной, но предрассудки, с которыми столкнулась Оливия, занимая место главы компании, несомненно, были пугающими. Она женщина, к тому же молодая и приходится дочерью бывшему руководителю компании — а это то, из-за чего мелкие людишки, такие как Питер, полагают, что она не подходит на эту должность.

Я хочу высказать все, что думаю о его поведении, но не делаю этого. Оливия может постоять за себя, и я не буду вставать на ее защиту, особенно на глазах у всех сотрудников компании. Ей не нужен мужчина, спасающий ее, и этим качеством я могу только восхищаться.

Не пропуская ни единого удара, Оливия заканчивает с Питером, словно не слыша насмешки с его стороны.

— Если вы хотите обсудить мой план более детально, позже можете зайти ко мне в кабинет, и я буду счастлива снова вам все подробно рассказать... простым языком, если так будет угодно. Тем не менее, я не позволю вам сорвать эту встречу. Что ж, у кого-нибудь возникли вопросы, или мы заканчиваем?

Питер раскрывает рот, но вскоре, приняв свой проигрыш, закрывает его, и я подавляю ухмылку.

Когда никто не произносит ни слова, Оливия встает из-за стола.

— Спасибо всем за то, что пришли, и, пожалуйста, принесите мне отчеты до конца дня.

Все расходятся, и мы с Оливией остаемся в конференц-зале одни.

— Ты в порядке? — спрашиваю я.

Она глубоко вздыхает.

— Конечно.

Даже если она не в порядке, у нее заложено в ДНК вовремя взять себя в руки и продолжать. Этот факт заставляет меня гордиться тем, что я с ней знаком, что могу работать с ней и являюсь тем человеком, который может пойти с ней домой.

— Питер — ублюдок. Пойдем, выпьем чаю.

Впервые с начала собрания улыбка касается ее губ.

— Звучит здорово.

Я веду Оливию в свой кабинет, где секретарша оказалась достаточно предусмотрительной, чтобы включить электрический чайник. На небольшой тележке со столешницей из стекла стоят бутылки с водой, коллекция из разнообразного английского чая в пакетиках и пара кружек.

Когда вода нагревается, я наполняю ею кружку Оливии и вручаю ей. Она смотрит на меня в нерешительности.

— Что? — спрашиваю я.

— Не возражаешь, если мы закроем дверь?

— Конечно, нет, — я пересекаю кабинет и закрываю дверь, задаваясь вопросом, для чего же нужна эта скрытность.

Она отпивает глоточек, пока я наливаю чай себе, а затем сажусь в кресло рядом с ней. Поздним утром благодаря солнечным лучам все кажется радостным, но я подозреваю, что ее что-то беспокоит. Она крутит платиновое обручальное кольцо с бриллиантом на пальце.

— Расскажи мне, что у тебя на уме, Снежинка, — говорю я ей. Назревает что-то серьезное, и подозреваю, что это связано с прошлой ночью.

Мы трахались как кролики и уснули голыми в объятиях друг друга. Сегодняшним утром мы подготовились к работе и как обычно позавтракали, словно ничего и не произошло. Понятия не имею, что творится сейчас в ее голове, сожалеет она об этом или нет.

Мой член наверняка желает продолжения. Я уже начал фантазировать, как буду заниматься с ней сексом все выходные напролет. *Эй, мужчина ведь может на это надеяться, верно?* Но я не знаю, как она себя чувствует после первого раза. И если быть честным... я не совсем уверен, что чувствую сам.

Я надеялся, что это будет обычный заурядный секс. Что собранное поведение Оливии просочится и в спальню, и она поведет себя пассивно. О, как же я ошибался. Она была отзывчивой и такой нетерпеливой, подталкивая себя навстречу моим толчкам, сексуально издавая стоны и вскрикивая каждый раз, когда я входил глубоко в нее.

Когда она кончала, то не сдерживалась, как некоторые женщины, не боялась быть слишком громкой, словно секс — это что-то постыдное. Нет, Оливия ликовала. Она стонала, когда ее настиг оргазм, задышалась с моим именем на устах, цеплялась за спину. Я последовал за ней в страну удовольствий... и теперь боюсь, что последую за ней куда угодно.

Прошлая ночь была почти идеальной. Лучше, чем с любой другой женщиной, с которой я когда-либо был. И глубокая, темная моя сторона уже знает причину этого. Она особенная. Между нами есть то, чего у меня ни с кем и никогда не было. Даже несмотря на то, что я всегда мечтал об Оливии, всегда чувствовал потребность в ней, мне страшно признать, как много она для меня значит. Как сильно она заставляет мое сердце биться, как далеко я пойду за ней...

По-видимому, этого недостаточно, чтобы рассказать ей о контракте. Мой желудок скручивает в узел.

Оливия ставит свою кружку на стеклянный стол, стоящий перед нами, и скрещивает ноги. На ней сексуальное обтягивающее белое платье с накинутым сверху черным пиджаком. Небольшое бирюзовое ожерелье — единственный яркий цвет в ее наряде, но этого достаточно. Эта женщина знает, как себя подать. Вспоминая мысли, посещающие меня ранее на собрании, я задаюсь вопросом, сколько времени она проводит каждое утро, находя идеальный баланс между женственностью и серьезным отношением к профессии.

— Я, эм... — она делает паузу, глядя на свои ногти, покрытые красным лаком.

— Расскажи мне, — я наклоняюсь ближе.

— Прошлая ночь должна была стать... — она снова замолкает, заламывая руки. — Это должно было походить на выполнение пункта из списка того, что нужно успеть сделать за свою жизнь. Чем-то, что позволило бы поставить галочку напротив пункта «секс без обязательств с Ноем Тейтом». Мне казалось, это будет весело, поэтому просто решила сделать это.

— А теперь, когда мы это сделали? — мое сердце ускоряет темп.

Она глубоко вздыхает.

— Посмотри на меня, Оливия, — мне нужно видеть ее глаза, нужно видеть, сожалеет ли она о случившемся, и я боюсь, что ее ответ будет утвердительным.

Она смотрит на меня, и глубина в ее пристальном взгляде почти убивает меня.

— А теперь я думаю, что мне недостаточно одной ночи, — произносит она.

В одно мгновение я притягиваю ее в свои объятия, прижимая к своей груди. Языком она облизывает свою нижнюю губу, прежде чем мои губы впиваются в ее.

Мне нужно, чтобы она сняла это платье и наклонилась над моим столом как можно скорее. Не прерывая поцелуя, я стягиваю с нее пиджак и нахожу застёжку «молнии» платья. Расстегиваю его, следуя по изящной линии ее позвоночника, и как только она остается в кружевном бюстгальтере, стрингах и черных туфлях на шпильке, я поворачиваю ее лицом к столу.

— Держись, детка, — говорю я, положив ее ладони на стол, а затем опускаюсь на колени за ее спиной и поглаживаю ее круглую попку, игриво шлепнув.

Она вскрикивает, скорее от удивления, чем от боли.

— Ш-ш-ш, — говорю я ей, поглаживая рукой розовый след на ее коже. — Можешь вести себя хорошо и тихо для меня?

Оливия кивает, и ее взгляд устремляется к двери кабинета. К открытой двери, через которую в любой момент может кто-нибудь войти.

Я поглаживаю ее киску через влажную ткань трусиков, и она поднимает свою попку, качая бедрами рядом с моей рукой.

— Так нетерпелива. Обещаешь, что будешь молчать?

Она снова кивает.

Я отодвигаю край ее трусиков и скольжу пальцем в ее узкую щель. Так же туго и горячо. Мне нравится смотреть, как мой палец погружается все глубже и глубже, а затем медленно выскальзывает наружу. Оливия уже тяжело дышит, и ее внутренние стенки сжимают меня при каждом движении.

Женитьба заставила меня кое-что переосмыслить. Мне больше не хочется одноразового секса. Я хочу... близости. Домашней жизни. Того, для кого можно будет приготовить обед, и кого можно будет обнять, разделить свой триумф, и кто ночью сохранит постель теплой. Мне нужна жена. Я хочу Оливию.

И снова на мои мысли опускается тень. Я по-прежнему скрываю правду от нее. Не знаю, как она отреагирует на новость. Как объяснить ей все таким образом, чтобы защитить и ее чувства, и компанию. Ведь пока обманываю ее, я не смогу иметь истинную связь, которую жажду. Секрет о наследнике — это стена между нами. Невидимая для нее, непреодолимая для меня.

Я отгоняю от себя непрошенные мысли. Оливия задыхается и качает бедрами в такт моим движениям, отчаянно нуждаясь в большем. Что, черт возьми, со мной не так? Предо мной голая попка и киска Оливии, а я думаю о другом.

Сконцентрируйся, тупица. Твоя жена нуждается в тебе. Какой мужчина бы отказал ей в этом?

Я убираю пальцы, — вот черт, ее тихий разочарованный всхлип достигает моего члена, — надавливаю на ее спину, пока она не ложится на стол, приподнимая попку вверх, и прижимаюсь губами прямо к ее клитору. Лишь одно мое прикосновение срывает безумный крик с ее губ. Усмехнувшись, я отодвигаюсь назад.

— Извини, — шепчет она. — Пожалуйста, не останавливайся. Я буду вести себя тихо.

Я усмехаюсь и возвращаюсь назад. Взяв ее за попку, я раздвигаю влажные половые губы большими пальцами, чтобы добраться до местечка, которое заставляет ее прикусить губу в попытке оставаться тихой.

Я облизываю и посасываю его, пока она не начинает дрожать, извиваясь, и продолжаю попытку, беспощадно лаская ее киску. Пальцами сжимаю ее бедра, когда сильнее прижимаю лицо к ней. Мне нужно проникнуть еще глубже. Нужно быть как

можно ближе к Оливии, тонуть в ее вкусе и запахе, горячем приятном ощущении, и все равно этого будет недостаточно.

Она кончает, постанывая и задыхаясь, ее грудь вздымается над моим столом. Я целую ее попку, бедра, подколенную ямку, пока она дрожит, а затем встаю на ноги.

Вместо того, чтобы поблагодарить меня или сделать сухое замечание, которого я ожидал от нее, Оливия сразу же начинает расстегивать мои брюки. *Да, черт возьми.* Ремень падает на пол, и она стягивает мои штаны и боксеры вниз до колен.

Она берет мой член в руки и начинает поглаживать его, целуя меня в шею. Такая милая, такая жаждущая. Я поднимаю ее за бедра и опускаю на свой стол. Она все еще в стрингах, но это не проблема.

Пока она продолжает поглаживать меня, я встаю между ее бедер и захватываю эластичный край ее трусиков, отодвигая их в сторону, чтобы она предстала передо мной.

— Готова к большому? — спрашиваю я, аккуратно раскрывая ее своими пальцами.

Стон — единственный ответ, который я получаю.

Я подхожу ближе и прижимаюсь головкой члена к ее клиторе. Оливия задыхается и опускает взгляд.

— Ты такая сексуальная, — говорю я и провожу напряженной головкой вдоль ее тепла, покрывая себя ее влажностью.

Все это время Оливия смотрит мне в глаза. Это настолько волнующе, что она не может отвести от меня взгляда, но также в этом есть что-то пугающее. Словно после этого она увидит, как я к ней отношусь, обнаружит, что мои чувства к ней намного глубже, чем наш фальшивый брак. Может, это и есть любовь: испытывать страх и чувство сомнения и всегда бояться все испортить. Но для меня не вопрос, испорчу *ли* я. Вопрос — *когда*.

Сконцентрируйся, Ной.

Я беру член чуть ниже головки и устремляюсь немного вперед. Когда только кончик меня входит в нее, я останавливаюсь, поняв, что у нас нет презерватива. Я сглатываю.

Оливия тоже это понимает? Она согласна с этим, или просто не заметила? Оставаясь совершенно неподвижным, я снова касаюсь ее клитора, и с ее губ слетает мое имя.

— Тише, детка, — я убираю пряди волос с ее лица и касаюсь ее губ в поцелуе.

Есть что-то очаровательное в этом моменте. Яркий дневной свет льется сквозь окно, галогенные лампы горят над головой. Я вижу каждую часть ее тела. Это интимно и неправильно, и очень возбуждает.

Я пытаюсь удержаться от толчка вперед, не хочу, чтобы она закричала, выдавая нас. Двери из матового стекла не так уж и защищают от шума. Уверен, что секретарша уже слышала, как кончила Оливия.

Я следую за взглядом Оливии, который устремлен в то место, где мое тело соединяется с ее. Головка уже проникла внутрь, большая вена пульсирует вдоль члена. Я снова касаюсь ее клитора и чувствую, как внутренние мышцы сжимаются вокруг меня. Удовольствие молнией проходит вниз по позвоночнику, и я понимаю, что слишком близок к кульминации.

— Проклятье, не сжимай меня так, — рычу я.

— Черт.

Оливия спускается со стола. Секунду я думаю, что она кого-то услышала: одного из наших коллег, или хуже — своего отца, который вот-вот откроет дверь. Но когда она не пытается прикрыть себя, я понимаю, что это не так.

— Что случилось? — спрашиваю я.

— У нас нет презерватива. Ничего не получится.

Блядь.

Нет, не так — дважды блядь.

— Ну, здесь такая ситуация... — я мельком смотрю вниз на свою внушительную эрекцию. — О нем необходимо позаботиться. Разве я смогу работать оставшуюся часть дня?

Она поджимает губы. Я ожидал, что она прикажет мне смириться и разобраться с этим самостоятельно. Так бы поступила прежняя Оливия. Но это прекрасное, сексуальное существо передо мной совсем на нее не похоже.

— И как вы предлагаете мне позаботиться об этом, мистер Тейт?

Мне нравится, что она воплощает мою фантазию об офисном сексе в жизнь, в комплекте с тем, что называет меня по фамилии.

— Я мог бы отправить тебя за презервативами, но это может занять слишком много времени. Или... — я задумчиво постукиваю пальцем по подбородку.

— Или?

— Я мог бы нагнуть тебя над своим столом и оттрахать твою красивую попку, или смотреть, как эти симпатичные губки сжимаются вокруг моего члена и ты глотаешь каждую каплю, которую я тебе даю.

Само собой разумеется, любая из идей привлекает меня.

Мгновение Оливия кажется застенчивой, но только мгновение, и мне до смерти хочется знать, о чем же она думает. Затем ее уверенность возвращается.

— Мой первый раз не будет... в *твоем* кабинете.

— Ты об анальном сексе? — спрашиваю я.

Она быстро кивает.

Интересно. Она не говорит «никогда», она просто говорит «не сейчас».

Моя маленькая Снежинка растаяла. Ушла холодная, серьезная женщина, которую я так сильно хотел завоевать. Теперь она женщина моей мечты, жесткая в нужный момент, но мягкая и жаждущая, когда мы одни.

Без лишних слов Оливия опускается на колени передо мной и берет член в руку. Губами касается меня, а затем ее голова начинает покачиваться в такт с рукой, *и, святой Боже, моя жена прекрасно работает ртом.*

Через минуту у меня начинает сбиваться дыхание, мышцы на животе напрягаются, близится оргазм.

— Оливия, — шепчу я, обхватив ладонями ее щеки, в то время как она продолжает двигаться вверх и вниз. — Я кончаю.

Я предупреждаю ее, чтобы дать ей шанс отодвинуться, собираясь излиться на стопку бумаг на столе. Но она не отстраняется, а наоборот, со страстным стоном пытается взять меня еще глубже.

Черт. Я жестко кончаю, так, что кровь звенит в ушах, и Оливия проглатывает каждую каплю.

— Черт возьми, принцесса, — я помогаю ей встать на ноги, затем убираю член обратно в штаны. — Это было невероятно.

Она ухмыляется.

— Рада, что вам понравилось, мистер Тейт.

Оливия уходит после долгого прощального поцелуя, и я сажусь за стол с томной улыбкой на губах.

Но спокойная обстановка длится недолго. Со стуком в дверь врывается Фред.

— Привет, Ной. Есть минутка?

Я неохотно киваю. *Черт.* Надеюсь, он не заметит, что здесь пахнет киской. Киской его дочери.

— Заходите, Фред. Что я могу для вас сделать?

— Не возражаешь, если я закрою дверь? — спрашивает он.

Я киваю.

— Конечно, нет, — до сих пор его визит жутко напоминает приход Оливии, но если он думает, что я испробую его задницу на своем столе, то чертовски ошибается.

Как только дверь закрывается, Фред опускается в кресло перед моим столом.

— Как дела? — спрашивает он, поджав губы, его голос наполнен скептицизмом.

— Хорошо, — смущенно отвечаю я. *Какого хрена он добивается?*

— На самом деле я пришел поговорить с тобой кое о чем щекотливом. Оливия уже беременна?

— Хм-м... — я с трудом сглатываю и отвожу взгляд.

— Потому что, боюсь, небольшая сегодняшняя истерика Питера на собрании была только началом.

— Что вы имеете в виду? — если кто-то из этих засранцев попытается испортить Оливии репутацию, или подобраться к ней каким-либо образом, тогда помоги мне Боже...

Фред подсаживается ближе.

— Совет согласился на девяносто дней.

— Да, и? — я нетерпеливо постукиваю пальцами по столу. У меня еще много времени.

— Уже прошло больше месяца, причем без особых результатов. Они беспокоятся и все еще рассматривают возможность распустить нас, сынок.

В его глазах застыла не просто неопределенность. Это паника. Я тяжело вздыхаю.

— И еще кое-что, — продолжает он. — Мое здоровье...

— В чем дело, Фред? — я наклоняюсь вперед и ставлю локти на стол.

— Ну, как ты знаешь, в начале этого года мне поставили диагноз — прогрессирующая форма рака. Но я получил письмо от онколога о том, что мой организм не отреагировал на лечение так, как мы надеялись.

— Оливия знает?

Он качает головой.

— Еще нет. Но я надеюсь попробовать еще один метод лечения, прежде чем скажу ей об этом. У нее и без того сейчас полно проблем.

Я киваю. Знаю, каково это — смотреть, как умирают родители.

— Я позабочусь о ней, Фред.

Он грустно улыбается мне.

— Знаю, что так и будет, — затем он поднимается со своего места и направляется к двери.

Мне не нравится резкий спад его плеч, усталость в позе.

— Фред, держитесь, приятель. Мы справимся, — говорю я с долей надежды и оптимизма.

Он смотрит мне в глаза и кивает.

— Давай просто получим тест на беременность в ближайшее время. Нам нужны хорошие новости.

У меня пересохли губы, и, клянусь, я чувствую, как кровь отхлынула от моего лица.

— Скоро, — выдыхаю я.

— Теперь, когда вы поженились, цифры пойдут вверх, и, надеюсь, скоро у совета не будет шансов стоять на вашем пути. Ты выиграешь этот бой.

Фред уходит, закрывая за собой дверь, и это хорошо, потому что я не знаю, смогу ли сейчас вообще говорить.

Оливия до сих пор ничего не знает. Компания все еще в беде. Но если я приду к Оливии и скажу, что настоящая причина, по которой мы поженились — это рождение наследника, у меня есть веские основания полагать, что она уйдет навсегда. А если она не забеременеет, мы отдадим нашу компанию конкурирующей фирме. Так что я должен потерять либо Оливию... либо «Тейт и Кейн».

Я наклоняюсь вперед, пряча лицо в ладонях. *Боже.*

Что мне делать?

Глава 12

Оливия

Следующая неделя проходит в тумане долгих часов и украденных моментов. В рабочие дни мы с Ноем пашем в офисе, словно безупречные модели усердного руководства. Но мы флиртуем и целуемся, как только выпадает возможность, и ревностно оберегаем наши совместные ночи. Впервые за долгое время «Тейт и Кейн» перестал быть центром всей моей жизни — что-то еще заняло его место.

При знакомом стуке в открытую дверь, ведущую в мой кабинет, я отрываю взгляд от компьютера и вижу Ноя, прислонившегося к дверному косяку.

— Привет, Снежинка. Ты голодна?

— Это подкат или ты говоришь о буквальном голоде? — спрашиваю я, приподняв бровь. *Если он спросит меня, хочу ли я большую хорошую колбаску, клянусь Богом...*

— Мне нравится ход твоих мыслей, — ухмыляется Ной. — Но нет, я просто хотел спросить, не хочешь ли ты пообедать. Мне нужно узнать твое профессиональное мнение относительно некоторых моментов.

Я задумываюсь. С одной стороны, мне удалось дойти лишь до половины отчета, с другой — я проголодалась. Я смотрю на часы. Время обедать. Можно будет поговорить о бизнесе, пока мы будем есть...

Почему нет? Решив, что отчет может подождать еще час, я откатываю стул назад и встаю.

— Можем пойти прямо сейчас, если ты готов. Вообще-то мне хотелось тебя кое о чем спросить.

Мы спускаемся на лифте вниз и выходим в лобби. Погода хорошая, поэтому мы решаем прогуляться до небольшого, но стильного суши-бара, который находится в квартале от офиса. Всю дорогу до бара мы то и дело ищем возможность прикоснуться друг к другу — слегка дотрагиваясь друг до друга руками, «случайно» сталкиваясь бедрами, игриво касаясь плечами, быстро и нежно обнимаясь за талию.

Хозяйка усаживает нас за уютный столик на двоих, спрятанный вдали от окна.

— Так о чем ты хотел меня спросить? — напоминаю я Ною, как только нам приносят напитки.

Он машет рукой.

— Ты первая.

— Что ж, — начинаю я, удобнее устраиваясь в кресле, — я беспокоюсь о корпоративе в этом году, — ведь обычно мы проводим зимний отдых в тропиках и всегда приглашаем руководителей компаний, которые являются для нас самыми ценными клиентами. Все это входит в поддержание имиджа «Тейт и Кейн», персональный сервис класса «люкс». — Мне кажется, что сейчас мы не можем себе этого позволить. А даже если и можем, это будет весьма затруднительно...

Я ожидаю, что Ной возразит или хотя бы намекнет на то, в каких мы «узких рамках». С помощью мероприятий, подобных этому, всегда можно было укрепить сложившиеся связи. И если мы отклонимся от обычного установленного порядка, клиенты могут с подозрением отнестись к нашему финансовому положению. Последнее, что нам сейчас нужно, это повторение ситуации, произошедшей в прошлом месяце с «Рэд Дог Оптикс».

Однако Ной удивляет меня своим ответом:

— Тогда давай в этом году отменим корпоратив. Наши сотрудники поймут, и мы сможем найти другой способ для общения с клиентами.

Я моргаю, и моя рука с чаем со льдом застывает на полпути ко рту.

— Именно об этом я и думала. Ты читаешь мои мысли.

До этого я видела его озорную улыбку миллионы раз, но она до сих пор вызывает легкое покалывание по позвоночнику, когда он мурлычет:

— Надеюсь, в твоей голове обитают и другие, более забавные мысли.

Хотя и не могу не ответить ему улыбкой, я стараюсь твердо стоять на ногах и оставаться сосредоточенной.

— Вернемся к нашим клиентам. Что ты имеешь в виду, говоря о другом способе?

Размышляя, Ной потирает свой щетинистый подбородок.

— Мы могли бы пригласить их на частное торжество. Один день, одна ночь. Даже если заплатим за их авиабилеты и отель, выйдет дешевле, чем отправить более ста человек на Ямайку. Мы можем напести им что-то вроде: «В этом году мы решили провести более интимное мероприятие», и таким образом не раскроем реальную причину.

— Разве они ничего не поймут? — все знают, что в таком контексте слово «интимное» — просто синоним слова «экономное».

Ной пожимает плечами.

— Что еще мы можем сделать? Если ты говоришь, что мы не можем позволить себе корпоратив в этом году, я верю тебе.

Я смущена и чувствую трепет от его слов. Он без сомнения доверяет моему профессиональному суждению. Это такое простое, невинное заявление, но оно несет в себе столько смысла, столько веры.

— И мы должны довериться им, чтобы они смогли увидеть нас такими, какие мы есть на самом деле, — продолжает Ной. — Никогда не знаешь... Если мы действительно хотим возродить «Тейт и Кейн», честность может оказаться нашей величайшей силой. Умный клиент оценит нашу бережливость и эффективность, — он подмигивает мне. — И не волнуйся, я все равно организую отличное мероприятие, с бюджетом или без него. Они точно не забудут Карибское море после того похмелья, о котором я лично позабочусь.

— Хорошо. Предоставлю это дело «королю вечеринок», — я взмахиваю рукой, потягивая напиток. — Похоже, мы достигли согласия. Процесс пошел. Теперь твоя очередь.

— Вот только не знаю, стоит ли предлагать наш новый сервисный стиль «Эсентикс Телеком». Они весьма старомодны... — говорит он. Это один из немногих наших постоянных клиентов, за которого папа и Билл умудрились держаться на протяжении многих лет. — Но в прошлом они всегда были довольны нашей работой.

— То есть, ты задаешься вопросом, стоит ли нам вообще продолжать с ними сотрудничество? — уточняю я.

— Верно. Я думал, ты скажешь: «То, что не сломано, не нуждается в ремонте», — он поворачивает ладони вверх. — Но, так или иначе, я подумал, что стоит спросить.

Я смотрю в свой стакан, пока взвешиваю наши возможности. Ной хорошо меня знает. В мои правила не входит тратить ресурсы на неважную работу. Сотрудничество и встреча не потребует больших усилий, но вряд ли это принесет большую прибыль.

Но почему-то я чувствую себя смелой. Что-то внутри меня шепчет: *почему бы и нет?* И этот голос очень похож на голос Ноя.

Сам же мужчина пьет свой напиток и молча наблюдает за мной, предоставив мне время на размышление.

Наконец, я отвечаю:

— Думаю, можно попробовать. В худшем случае, «Эсентикс» откажутся, что в любом случае мы всегда можем услышать. Так что давай продолжим заниматься теми услугами, которые оказываем им все время. Причина, по которой папа сделал нас руководителями, заключается в том, что мы могли бы превратить эту компанию в эпоху цифровых технологий, верно? Мы не должны бояться пробовать что-то новое.

Ной улыбается, встречаясь со мной взглядом.

— Эксперименты с новыми идеями наверняка сыграли бы нам на руку.

Многозначительные взгляды, которыми мы обмениваемся, прерываются сигналом телефона Ноя. Он проверяет его, и с каждой секундой его улыбка меркнет все больше и больше, потемневшие глаза бегают по экрану.

— В чем дело? — спрашиваю я.

Пожалуйста, никакого дерьма еще как минимум тридцать минут. Знаю, это немного эгоистично с моей стороны, так как этот обед предназначен для бизнес-переговоров, а не для удовольствия, но я раздражена тем фактом, что наше совместное с Ноем время прерывают.

— Просто пришло письмо по электронной почте от руководителя проекта «Обувь от Пэрриш», — ворчит он. — Не волнуйся, это не чрезвычайная ситуация. По-видимому, Эстель интересуется, сколько нам понадобится времени, чтобы достичь первых результатов. — Ной изгибает свои полные губы в кривой усмешке. — Хотя она была согласна с предложенным нами крайним сроком, когда подписывала контракт.

— Мы не несем ответственности за несвоевременную работу, если на самом деле она сделана вовремя. Итак, юридически наши задницы прикрыты. Но... — задумавшись, я кусаю губу. — Наверное, нам стоит попытаться сгладить ее «перья». Это сотрудничество в долгосрочной перспективе могло бы принести немало денег, — и если работа с Ноем и научила меня чему-то, так это тому, что нужно проделывать больше работы, чтобы поддерживать хорошие отношения, чем просто руководствоваться написанным на бумаге. — Тебе стоит встретиться с Эстель. Пригласи ее на бизнес-ланч, столкнись с ней на вечеринке, ну или что-то вроде того. Просто успокой ее и заверь, что нас ждет успех.

Ной удивленно моргает.

— Ты, правда, не против?

— Ты ей нравишься. Мы могли бы найти хорошее применение вашему взаимопониманию.

Не так давно я бы отклонила такого рода общение, сказав, что это пустая трата времени. Но трудно спорить с эффективностью харизматического подхода Ноя.

Он наклоняет голову, и я понимаю, про что действительно он спрашивает.

— Кроме того, я знаю, что между вами ничего не произойдет, — говорю я, тепло улыбаясь ему. Вспышка чего-то дерзкого побуждает меня добавить: — Она может смотреть на все, что пожелает, но только я могу к этому прикасаться.

Ной издает низкий, приятный рык.

— Чертовски верно. Кстати, Снежинка, мне нравится эта твоя сторона. Есть шанс, что эти прикосновения произойдут в ближайшее время?

Я возвращаю ему испепеляющий взгляд.

— Если ты правильно разыграешь карты.

С глухим стоном он потягивается на своем кресле, предлагая дразнящий намек на упругое тело, спрятанное под костюмом, а затем откидывается назад, скрещивая руки на широкой груди. Его улыбка подсказывает мне, что он точно знает, что делает.

— Что ж, это последний пункт на повестке дня. У тебя есть что-нибудь еще?

Потягивая свой напиток, я качаю головой.

— На самом деле, ничего. Камрин на днях спросила меня о том, как мы должны выполнить контент-маркетинг. Но я просто высказала свое мнение и позволила ей принять окончательное решение.

У Ноя причудливо изгибаются брови.

— Ты передала полномочия?

— Это ее команда прошла углубленное обучение социальным сетям, а не я, — отвечаю я, пожимая плечами. — И она до сих пор прекрасно справлялась с этим.

Но я знаю, почему он удивлен. Наконец-то мне удалось расслабиться и передать бразды правления — по крайней мере, там, где задействована моя верная, ответственная «лучшая подруга на веки вечные». Помимо обратной связи по ее еженедельным отчетам, я стараюсь не вмешиваться.

— Это было легко. Все вопросы мы обсудили, а нашу еду так еще и не принесли, — Ной улыбается мне. — Похоже, наш бизнес-ланч переходит в обычный обед.

— Так вот в чем заключался твой план? — слегка ругаю я его. — Свидание посреди рабочего дня?

Его невинное пожатие плечами испорчено тем, что он продолжает улыбаться.

— Возможно.

Я выдерживаю долгую паузу, делая вид, что думаю.

— Ну... полагаю, я могу тебя простить.

Ной поднимает палец в знак протеста.

— Эй, ты отходишь от сценария. Ты должна злиться на меня, а потом я смог бы тебя смягчить...

— На глазах у всего ресторана?

Его улыбка становится чувственной, излучая чистый грех.

— О, Снежинка, у тебя развратные мысли. Все, что я планировал, это поцелуй. Но мне нравится ход твоих мыслей, и я помню, как ты не стеснялась проявлять свои чувства в ресторане.

— Вот почему ты мне нравишься больше, когда молчишь, — говорю я с улыбкой. *Особенно, когда это происходит потому, что твой рот занят.*

— Итак, каков вердикт моего блестящего плана?

— Хм... — я притворяюсь, что снова обдумываю его слова. — Я украду этот поцелуй сейчас. И еще один позже.

— В кабинете? — тут же спрашивает он.

На самом деле, я понимаю, куда он клонит...

Подождите, нет, о чем я думаю? Он тащит меня в кроличью нору. Мы уже перешли эту черту, и как бы волнующе это ни было, я не хочу оказаться в центре скандала.

Я уверенно качаю головой.

— Дома. Где мы сможем быть очень громкими и заниматься этим так долго, как только захотим.

Он преднамеренно драматично вздыхает.

— Но ведь это такое долгое ожидание, и ты первая вспомнила о сексе, — прежде чем я могу подразнить его тем, что это он вечно озабочен, он добавляет, — хотя, думаю, что смогу побыть хорошим мальчиком некоторое время. Ты стоишь того, чтобы тебя ждали.

Мои щеки становятся розовыми еще до того, как он наклоняется через стол и губами касается моих. Я не знаю, как реагировать. Сексуальный флирт — одно, но это замечание было слишком сладким. Слишком искренним.

И именно в этот момент приносят наши блюда. Мы налетаем на вкусные суши и позволяем себе говорить обо всем, кроме бизнеса. Слишком скоро нам придется вернуться в офис, но пока мы наслаждаемся компанией друг друга. Драгоценным часом наедине, вдали от шума и стресса.

Как минимум раз в месяц мы с Камрин стараемся выделить время, чтобы побаловать себя и пообщаться друг с другом. Сегодня один из таких священных дней. Мы заказали роскошный педикюр в нашем любимом салоне и сейчас сидим бок о бок в соседних спакреслах. Наши многострадальные ноги, освобожденные от высоких каблуков, отмокают в теплой с ароматом лаванды ванночке. Ах...

— Итак, как ты себя чувствуешь в последнее время? — спрашивает меня Камрин, в то время как сотрудница салона делает ей массаж стоп с отшелушивающим солевым пилингом. — Ничего классного не совершала без меня?

— Вообще-то, совершала, — мой тон смягчается. — Мы с Ноем провели все последние выходные вместе. В субботу у нас был совместный ланч, затем мы прошлись по магазинам, а на фермерском рынке он купил мне пионы, которые я всегда получаю, даже не прося об этом. А потом мы пошли на выставку импрессионистов в Музей современного искусства. В воскресенье мы смотрели «РВ & Яу»...

— Это та новая романтическая комедия? — спрашивает она, прерывая меня.

— Да. А потом мы поужинали и пошли танцевать.

Притворившись шокированной, Камрин прижимает руку к груди.

— погоди. Мне нужна минутка, чтобы обдумать все, что ты сейчас сказала. Ной Тейт покупает цветы и смотрит девчачье кино? А Оливия Кейн...

— И у тебя не возникло проблем представить Ноя в Музее современного искусства?

— По крайней мере, на картинах могли быть изображены голые женщины. Однако Ной Тейт, который ведет себя так мило и непринужденно? И Оливия Кейн, устроившая себе выходные? Да еще и незапланированные? Ради *забавы*? Кажется, у меня сейчас случится сердечный приступ.

Я фыркаю.

— О, заткнись. Я не настолько скучная.

— Да, это так. Скажи мне кое-что — ты же тайно отвечала на электронные письма с работы, пока он был в ванной, не так ли?

— К твоему сведению, я выключила свой телефон, пока мы отдыхали.

У Камрин отвисает челюсть, она резко поворачивается лицом ко мне, испытывая подлинный шок.

— Черт возьми. Кто ты и что сделала с моей лучшей подругой?

Яжимаю плечами.

— Ной убедил меня, что компания переживет два жалких дня и без меня. И я на самом деле... поверила ему.

Камрин ничего не говорит. Она просто улыбается мне, словно знает то, чего не знаю я. Мой желудок скручивает от нервного трепета.

— Что? — наконец спрашиваю я. Я прекрасно понимаю, что попала на приманку, но мне все равно, лишь бы она не смотрела на меня таким самодовольным взглядом.

— О, ничего, — отвечает она нараспев, ее тон пропитан ложной невинностью. — Я просто думаю, что он был довольно убедителен, вот и все.

— Что это значит? — раздраженно спрашиваю я. — Я согласилась лишь потому, что была более уверена в проделанной за последнее время работе. Я чувствую, что «Тейт и Кейн» действительно начинает возвращаться на правильный путь.

— Конечно, но дело не только в том, что все налаживается. Ты вся сияешь, когда говоришь о Ное. И кажется, его непринужденный образ жизни влияет на тебя.

Я не упускаю двусмысленность ее слов, но решаю игнорировать это и быть более зрелой женщиной в этой комнате.

— Это был всего лишь один уик-энд. Большое дело!

— Да вы, ребята, определенно находитесь на стадии медового месяца, — заключает она, игнорируя меня. Камрин удовлетворенно вздыхает, что определенно не должно выглядеть так театрально. — Сначала у меня были сомнения, но, кажется, бабник может остепениться и стать романтичным, когда перед ним та, кого он действительно хочет.

— О чем ты говоришь? Он и раньше хотел женщин, — на самом деле, Ной относился к охоте на женщин, как ко второй работе с полным рабочим днем.

Камрин качает головой.

— Не так, как хочет тебя. Похоже, он действительно желает завоевать тебя. По-настоящему. А не только ради компании.

Мое сердце пропускает удар. Я инстинктивно начинаю с ней спорить.

— Уверена, он просто...

Но потом я останавливаюсь, потому что понимаю, что его усилия искренние. Честно говоря, я всегда знала, что это так. И его романтические жесты не потеряли свою силу после того, как мы поженились, или после того, как мы переспали. Так что это не может быть связано лишь с контрактом, или имиджем компании, или даже просто с тем, чтобы забраться ко мне в трусики. С самого начала Ной не скрывал, что я привлекаю его, но в последнее время отношения между нами, кажется, переросли во что-то большее, чем обычное сексуальное влечение.

Сотрудница салона прерывает мои ошеломленные мысли.

— Какого цвета лак вы сегодня выбрали?

Вау, я, должно быть, действительно потерялась в своих мыслях и даже не задумывалась о том, какой выбрать цвет.

— Бледно-розовый, — отвечаю я. Мой сегодняшний выбор отличается от обычной палитры матового темно-красного лака, который смотрится более профессионально и зрело для компании, в которой преимущественно работают мужчины. Пастельно-розовый в некотором роде символизирует мою недавно пробудившуюся мягкую натуру. Я улыбаюсь, мысленно задаваясь вопросом, что подумает об этом Ной.

— Можно мне посмотреть новые оттенки? — спрашивает Камрин.

— Сейчас я принесу вам образцы с цветами, — отвечает женщина и выходит из комнаты.

Я снова погружаюсь в свои мысли. Может ли Ной действительно испытывать ко мне серьезные чувства? И если это так, тогда что я теперь буду делать с этой информацией? Как я *сама* отношусь к Ною? Сейчас я неплохо провожу время, но станет ли он мне мужем на всю оставшуюся жизнь?

Как бы я ни отрицала это, Камрин права — Ной меняет мой привычный образ жизни. Черт, он меняет *меня*. Прежняя Оливия никогда бы не распустила волосы, как в прошлые выходные. И мы приходим к взаимопониманию на работе. Не так давно мы пытались объединить наши стили управления, а теперь без усилий работаем вместе, решая проблемы с легкой грацией отрепетированного танца. Мы перешагнули через пропасть, чтобы встретиться друг друга на полпути.

Почти незаметно Ной стал одной из моих путеводных звезд, стал тем, с кем я с нетерпением жду встречи каждый день. Одна лишь его улыбка способна ускорить или замедлить мое сердцебиение. В последнее время я чувствую себя гораздо спокойнее и счастливее... Хотя это может быть проявлением побочного эффекта от нескольких первоклассных оргазмов, испытываемых каждую ночь.

Словно прочитав мои мысли, Камрин шепчет:

— Итак, вы двое уже сделали это?

Захваченная врасплох, я отвожу взгляд.

— Э-эм...

— Боже мой, вы это *сделали*, — говорит она с визгом. — Я так горжусь вами.

Даже при том, что пристально смотрю на стену, я все же слышу радостную усмешку в ее голосе. Мое лицо пылает.

— Ты ведешь себя странно, — заявляю я.

— Шутишь? Ты, наконец, прервала свой период воздержания. Теперь я не единственная, кто поддерживает «сексуальные сплетни» в нашей дружбе. Я хочу узнать все. Поторопись и расскажи, пока сотрудница не вернулась.

Когда я продолжаю молчать, она подстрекает меня.

— Его член реально настолько большой, как говорят?

— Ты невероятна, — говорю я, издавая пораженный стон. — Да, довольна? Он огромный. Теперь ты счастлива?

— Нет, пока ты не расскажешь мне, каков он в постели.

Я больше никогда не смогу отвести свой взгляд от этой стены.

— Хм-м... Скажем так, он знает, что делает.

Камрин смотрит на меня.

— Нет, *так* не пойдет. Давай же, Лив, мне нужно больше подробностей!

— Ну, он... напористый. Страстный, но нежный. Очень внимательный. Иногда ему нравится дразнить. Он замедляется... — мне кажется, что сейчас мое лицо вспыхнет пламенем, — когда достигает кульминации.

Камрин вскрикивает:

— Да, детка!

Испытывая ужас, я лихорадочно обмахиваю себя руками.

— Господи, Камрин, успокойся. По-моему, нас сейчас слышит половина салона.

Но я смеюсь с ней, даже когда пытаюсь ее успокоить. Кажется, ничто не может помешать моему солнечному настроению. Мое сердце до краев наполнено надеждой, связанной как с работой, так и с отношениями с Ноем.

Камрин открывает рот, вероятно, чтобы продолжить допрашивать меня, но я спасаюсь от дальнейших расспросов, когда сотрудница салона возвращается с образцами лаков.

— Простите за задержку, дорогая, кто-то другой смотрел их, — щебечет она.

Пока Камрин рассматривает образцы цветов, я достаю из сумочки свой телефон и пишу Ною:

Оливия: Почти закончили в спа-салоне. Собираюсь купить побольше презервативов по дороге домой. Хочешь, принесу что-нибудь еще?

И, захваченная смелым порывом, добавляю:

Оливия: Может, взбитые сливки или шоколадный мусс?

И нажимаю «отправить», глупо улыбаясь сама себе. Во мне бурлит счастье и сексуальная энергия, которую я никогда не испытывала раньше. Я чувствую, что все в моей жизни, наконец, налаживается.

Спустя несколько минут телефон издает звук, оповещающая о входящем сообщении.

Ной: Да, черт возьми. Ты же знаешь, как я люблю десерт, Снежинка.

Я подавляю смех. Боже, я веду себя, как глупая школьница, но мне все равно. Если последние несколько недель с Ноем брать за образец, то впереди я получу гораздо больше удовольствий, которых уже жду с нетерпением.

Глава 13

Ной

Весь день я тщательно изучал финансовое положение «Тейт и Кейн», корпя над толстой кипой мрачных записей. Но сейчас я дома, и при озорном взгляде Оливии, только что вернувшейся из спа-салона и стоящей перед моим стулом с улыбкой на лице, все мое напряжение испаряется.

Ну, почти все. Электронное письмо от Фреда о том, что нам придется либо взять кредит, чтобы продолжить выплачивать зарплату сотрудникам, либо массово уволить людей — по-прежнему маячит перед глазами. Не говоря уже о моем обещании Оливии, что мы найдем способ поразить наших клиентов небольшой вечеринкой. И новости Фреда о том, что он безуспешно борется с раком. И пункте о наследнике, висящем над всем этим...

Черт бы меня побрал! Я кладу стопки банковских выписок в свой кожаный портфель и закрываю его.

— Что думаешь? — Оливия улыбается мне, шевеля пальцами ног.

— Розовый. Мне нравится, — с другой стороны, я, вероятно, захотел бы ее в любом образе. Я уже знаю, что люблю ее вообще без ничего.

Она улыбается мне.

— Я чувствовала себя кокеткой.

— Вы повеселились?

Немного покраснев, она опускает взгляд на ковер.

— Да, вот только...

— В чем дело?

Я поднимаюсь и касаюсь ее подбородка, чтобы встретиться с ней взглядом. Надеюсь, она еще не видела текущую финансовую картину. Сейчас у нее хватает стресса и без этого. Я попытался оградить ее от большинства из стрессовых ситуаций, попросив Фреда и Питера прийти прямо ко мне со своими отчетами и опасениями.

— Камрин допрашивала меня о нас, — тихо произносит Оливия.

О. Мне становится легче, когда я слышу, что это не связано с работой. Но это безумие — думать, что мы существуем на самом деле. Не знаю, сможем ли мы когда-нибудь дойти до этого.

Я пожимаю плечами.

— Не так уж и ужасно, верно? Между нами все хорошо. Надеюсь, именно это ты ей и сказала.

Оливия поднимает взгляд, ее щеки по-прежнему горят.

— Я так и сказала. Но она хотела знать *подробности*. Например, каков ты в постели.

Медленная улыбка расплывается на моих губах.

— И что ты ей ответила?

Она кусает губу, неуверенно глядя на меня.

— Правду, Оливия, — твердо говорю я. Маловероятно, что она сказала что-то такое, что могло бы навредить моей репутации. Она вежливая, и, кроме того, я знаю, что хорош. Просто мне хочется, чтобы она рассказала, что я заставляю ее чувствовать. Мне хочется услышать эти слова прямо из ее мягких, полных губ.

— Что у тебя большая... м-мужская деталь, — заикаясь, произносит она, — и что ты... напористый, но нежный, и...

В нетерпении я впираюсь в ее губы. Я с жадностью целую их, и она принимает меня. Наши языки сплетаются друг с другом, когда я притягиваю ее ближе.

Не знаю, как и когда это произошло, но она стала моей. Она — первая, о ком я думаю, когда просыпаюсь, и последняя, о ком думаю перед сном. И прежде чем могу

осмыслить последствия, я знаю, что намерен сделать то, что нужно сделать, чтобы защитить наше с ней совместное будущее.

Сегодня ночью. Мне нужно сделать это сегодня ночью.

Я поднимаю Оливию на руки и несу в спальню, пока наши губы продолжают сливаться в поцелуе. Неспособный даже подождать, пока мы доберемся до кровати, я останавливаюсь в коридоре и прижимаю ее спиной к стене, пока она обвивает ногами мои бедра.

На ней простое хлопковое платье, а это значит, что я, проведя рукой вдоль ее бедра и попы, могу дотянуться до влажного пятна на трусиках. Скользнув пальцами под резинку, я нахожу ее клитор и вожу пальцами вокруг него, вытягивая из нее стон, который быстро заглушаю поцелуем.

Это безумие — думать, что человек, который когда-то отказывался позволять своим завоеваниям засыпать в своей постели, теперь делит дом со своей женой и практически набрасывается на нее у двери спустя пару часов после разлуки. Блин, я превратился в какого-то придурка. Но есть что-то настолько захватывающее в этой женщине. То, как она преподносит себя, ее остроумие и интеллект, ее ненасытный аппетит ко мне. Это кажется правильным.

У меня даже не было серьезных отношений. По словам Стерлинга, свадьба — связь с одной женщиной на всю оставшуюся жизнь — должна была напугать меня до чертиков. Вместо этого я стал уступчивым, верным, любящим. И мне это нравится.

Я лишь надеюсь, что задуманное мною сегодня не разрушит все.

— Да, — вскрикивает Оливия. Она крепче обнимает меня за плечи и покачивает бедрами напротив моей руки, приближаясь к развязке.

Мне нравится, как она раскрывается передо мной. Кружа по ее шелковистому центру, я медленно ввожу в нее один палец. Но я не сохраняю медленный темп; когда Оливия стонет и шепчет мое имя, я добавляю второй палец и глубже вхожу в нее. Я трахаю ее у стены, отчего мой член сильно болит. Но отступить — последнее, что приходит мне в голову. Мне доставляет удовольствие целовать Оливию и смотреть, как она тает прямо здесь, в моих объятиях.

— Ной... — стонет она, цепляясь за мои волосы. — Я хочу тебя.

— И я здесь, детка, — я целую ее в шею, вдыхая аромат жимолости, пока пальцами продолжаю погружаться в нее. Этот знакомый запах, принадлежащий исключительно Оливии, всегда возбуждал меня и в то же время успокаивал.

— Во мне. Я хочу, чтобы ты был во мне, когда я кончу.

Тогда ладно. Это меняет дело. *Если моей малышке нужен член, он будет у нее.*

Все еще поддерживая рукой ее попку, я расстегиваю джинсы, опуская их вниз достаточно, чтобы освободить член. Взяв его в руку, я провожу головкой по влажным складочкам и чувствую ее дрожь на своих руках.

— Как ты себя чувствуешь? — снова дразню ее я, когда провожу всей длиной по ее теплу, потирая сверхчувствительный клитор.

— Ты нужен мне, — стонет она, задышавшись.

Трудно поверить, что это та самая женщина, которая месяц назад задирала нос при мысли о сексе. Думала, что это какой-то бесполезный, мерзкий роман, которому не место в ее напряженном графике. Я не эгоист, но мне хочется верить, что причина во *мне*. Только я могу раскрыть в ней эту сторону, сводя с ума от желания, раскрывая в ней внутреннюю богиню секса. И это прекрасно, потому что она делает то же самое со мной. Я желаю ее так, как никогда и никого не желал прежде.

— Давай же, — стонет Оливия. — Трахни меня, Ной, — она сжимает мои бицепсы, в отчаянии смотря на меня. Потребность во мне, пылающая в ее глазах, почти болезненна.

Ядвигаюсь вперед, и первые несколько сантиметров меня исчезают внутри нее.

— Подожди...

Я замираю.

— В чем дело?

— Презервативы. Они над раковиной в ванной. В аптечке.

Черт поberi.

— Было бы охренительно, будь я без защиты, — стону я, подталкивая бедра вверх, чтобы она смогла почувствовать всю мою длину между своих ног. — Мой жесткий член скользит в твою теплую, тугую киску... Пожалуйста, детка...

— Ной, — стонет она, откидываясь назад. — Нет, пока я не смогу контролировать ситуацию над беременностью.

Мой желудок скручивает. Правильно. Это поможет.

— Быстрее, — шепчет она, касаясь моих губ в легком поцелуе, прежде чем скользнуть вниз по моему телу, касаясь ногами пола.

Я делаю глубокий вдох и направляюсь в ванную. Остановившись в дверном проеме с членом, торчащим прямо передо мной, я ловлю свое отражение в зеркале, и мне не нравится то, что я вижу. У меня странный взгляд, которого не было раньше.

— Ной? — кричит Оливия из спальни.

— Дай мне минутку, — раздавленный нарастающей паникой и виной, я закрываю дверь позади себя.

Зловещие предупреждения Фреда звучат в моей голове. Я думал, что смогу убедить Оливию, но даже не смог поговорить с ней, а у нас заканчивается время. Наследие моего отца, последнее желание Фреда Кейна, сотрудники «Тейт и Кейн»... все под угрозой. Я знаю, что должен действовать, но как?

Я беру из аптечки один из презервативов. Эрекция, несмотря на хаос в моей голове, не пострадала. Я смотрю вниз на маленький пакетик из фольги в своих руках.

Какого хрена я творю? Я чувствую себя совершенно потерянным и озадаченным. С каждым днем я влюбляюсь в Оливию все больше и больше... все время скрывая от нее самый большой секрет в мире. Несмотря на всю нашу проделанную работу, финансовая ситуация в компании настолько ужасна, что мы едва держимся на плаву. Ребенок решил бы столько проблем. Выполнение последнего пункта контракта сохраняет наше наследство и гарантирует, что совет директоров не продаст компанию, оставив нас вместе с шестью тысячами других людей без работы.

Но Оливия никогда не согласится на это. Черт, она, наверное, откажется и от всей нашей договоренности, если я расскажу ей правду. Уже несколько недель я ломаю голову, пытаюсь придумать правильную речь, которая спасет все, что меня заботит, но в итоге просто продолжаю биться об ту же самую кирпичную стену.

Я никогда не лез за словом в карман, но теперь не могу подобрать правильных слов. Даже если бы знал, что сказать, подходящий момент никогда не наступит. И я не могу бороться с тем ужасом, который, возможно...

Возможно, никогда и не настанет.

Может, этот разговор — вся эта ситуация — действительно невозможна. Может, решения нет вообще.

Эта мысль заставляет меня онеметь. Двигаясь словно самостоятельно, мои руки проникают во все ящики и шкафы. Я не знаю, что ищу, пока мои пальцы не натыкаются на это. Набор для шитья моей матери. Маленький серебряный футляр, который она дала мне за год до своей смерти, когда научила меня пришивать пуговицу на свою любимую рубашку.

Я вытаскиваю иглу и смотрю вниз на ее блестящее острие. Проверяю его на пальце и чувствую, как игла протыкает кожу. Сначала показывается небольшая красная капля крови, но затем она растет, тяжелеет, пока не скатывается вниз по моему пальцу, оставляя яркий след, но я все еще не двигаюсь. Я просто тупо смотрю на окрашенное острие иглы и наблюдаю, как серебро отливает сквозь красную пленку.

Я словно во сне — в одном из тех кошмаров, где ты не можешь бежать достаточно быстро, или пытаешься пробраться сквозь зыбучие пески. Сердце бьется о грудную клетку. Какого хрена я творю? Правда ли я... мог ли я даже *подумать?*..

Шокированный вздох у двери привлекает мое внимание.

Обнаженная Оливия с открытым ртом стоит на пороге. Недоверие в ее широко распахнутых глазах быстро сменяется ужасом. Спотыкаясь, она натывается на стену за спиной и подносит руку ко рту, словно ее вот-вот стошнит.

Я опускаю взгляд на свои руки: одной держу презерватив, другой — иглу. С отвращением я бросаю иглу и презерватив в раковину.

— Оливия... подожди, это не то, что ты подумала!.. — мой голос глухой, неубедительный даже для меня.

С ее губ срывается стон боли. Когда я оглядываюсь назад, моя жена убегает, ее прекрасное лицо искажено предательством.

Не зная, что еще делать, я следую за ней, надеясь, что еще не поздно... но уже зная, что это так.

КОНЕЦ ВТОРОЙ ЧАСТИ

Продолжение читайте у нас в группе https://vk.com/kn_books